

Дарья Калинина

Муж **ИЗ**
натурального
Меха

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Калинина

Муж из натурального меха

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Муж из натурального меха / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2017

ISBN 978-5-699-94145-2

На что только не пойдет настоящая женщина ради новой шубы! В горящую избу войдет, начальника грудью прикроет, от шопинга откажется. Да что там, ради шубы такая, как Лиля, даже замуж готова. Причем не за кого-нибудь, а только за директора шубного магазина или за владельца фабрики, где шьют эти легчайшие жакетки, манто, шубки и курточки. Но новую шубу к празднику хочется не ей одной, и как быть, если соперницы готовы даже на криминал ради союза с меховым мужчиной, которого Лиля уже присмотрела себе в мужья?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94145-2

© Калинина Д. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Калинина

Муж из натурального меха

© Калинина Д. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Если человек совершает глупость, кто в этом виноват? Он сам или обстоятельства, которые сложились так, а не иначе и подтолкнули его к ошибке? А может, виноваты те, кто окружает оступившегося? Ясное дело, они главные вредители и есть.

Допустили! Вовремя не остановили! Не предупредили!

Если копнуть совсем уж в глубь времен, понятно, что во всем виноваты родители. Их и еще бабушек с дедушками можно вообще обвинить в любой неприятности, которая с нами случается. А уж рыдающая за большим круглым столом Лилька была свято убеждена, что все дело в ее предках.

– Это они воспитали меня так!

– Лиля, при чем здесь твои бедные мама с папой и тем более бабушки с дедушками? – пыталась вразумить ее Алена. – При чем твои бедные родители, которых ты не видела уже лет пять, а дедушек с бабушками и того больше? При чем они все, если тебя несколько дней назад мужик бросил?

– Они! – исступленно уверяла Лилька. – Только они и виноваты!

– Но почему?

– Они вырастили меня никчемным созданием, которое даже постоять за себя не в состоянии! Всякий может пнуть! Всякий старается обидеть!

И она снова зарыдала. Надо сказать, что во всякое дело Лилька вкладывала всю свою душу. Не умела что-то делать спустя рукава. Вот и сейчас рыдала она с таким упоением, что слезы текли в три ручья, оставляя на бархатистой коже изумительно ровные бороздки.

Алена только головой качала. Нет, слезы Лильку совсем не красили, не надо бы ей рыдать вза-хлеб. Да уж, видно, припекло, раз она, всегда такая уравновешенная и веселая, взяла и сорвалась. А причина была в том, что главная любовь всей Лилькиной жизни пропала! Растворилась. Исчезла с концами.

– Нет, ты, главное, подумай, он жениться на мне собирался!

Алена удивилась:

– Борис делал тебе предложение? Ты мне об этом не рассказывала.

– Нет, до предложения дело не дошло, но Боря собирался на мне жениться. Я это точно знаю!

– Он тебе это говорил?

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь о его намерениях, если он о них не говорил?

– А шуба? – шмыгнула носом Лилька. – Он мне сколько шуб подарил! Иногда по три обновки за сезон получала.

Воспоминания о шубах грели настолько, что Лилькины слезы сразу высохли.

– И какие шубы, – возвела она глаза к небу. – Помнишь длинную в пол?

– Из чернобурки?

– И из чернобурки тоже, – прошептала Лилька, прикрывая глаза и отдаваясь сладостным воспоминаниям. – Но я сейчас о норке говорю. Помнишь ее?

Алена помнила манто из белоснежной норки. Оно было действительно потрясающим. Лилька в нем напоминала снежную королеву, только смоляные волосы подкачали, и голова на фоне белой норки казалась слегка обугленной.

– Она тебе очень идет, – на всякий случай сказала Алена.

Но Лилька в ее похвале и не нуждалась.

– А то! – упоенно произнесла она. – Надо думать. Одних животиков сколько ушло! А из горностая курточку помнишь?

– Ту, что с погонями?

– Много ты понимаешь, погоны! Это эполеты. Хороша курточка?

Курточка в виде казачьего мундирчика и правда была очень хороша, и Алена это подтвердила с чистой совестью.

– А еще жилетка из песка, – мечтательно шептала Лилька. – Короткая шубка из рыжей лисы. Шубка в талию из канадского бобра. А манто из шиншиллы! Легкое, воздушное! А какое теплое!

Лилька вспоминала свои зимние наряды еще долго, а когда Алена уже решила, что гроза миновала, подруга внезапно снова ударилась в слезы.

– Что теперь? – всполошилась Алена.

– Все кончено! Не видать мне больше ни шуб, ни манто, ни курточек, ни даже жилеток. Бросил меня Борька! Смотался!

– Как это получилось?

– Сказал, что в тайгу за шкурками едет, и пропал!

– В тайгу?

Изумление Алены было неподдельным и вполне оправданным. До настоящей тайги от них несколько тысяч километров.

– Да нет, это он так аукцион меховой называл, – хлюпнула Лилька носом. – Шутка у него такая, понимаешь? Охотники в тайгу за белками и лисами ходят, а Боря мой звериные шкурки иначе добывает.

Алена кивнула. Знала она Бориса, по которому так убивалась сейчас Лиля. Знала и примерную схему бизнеса, которым владел Борис Петрович Разумахин. Но прежде чем говорить о персонаже второстепенном, тем более исчезнувшем, надо познакомиться с главными действующими лицами этой истории: Аленой, ее мужем Василием Петровичем и прочими обитателями поселка Дубочки и его главной усадьбы, в которой и происходит наше действие.

Само поместье возникло буквально из ничего, на месте маленькой, тихо загибающейся деревеньки, в которой совсем недавно жило всего несколько стариков и парочка тихих алкоголиков. И вот силой воли одного-единственного человека, Василия Петровича, дорогого и любимого мужа Алены, возник целый поселок. Причем поселок процветающий и вполне сам себя обеспечивающий.

Начиналось все вполне невинно – с чистого поля и маленького конного завода, возникшего на этом месте. На этом самом заводе Василий Петрович воплощал свою давнюю мечту вывести отечественную породу, которая могла бы не только на равных участвовать в скачках, но и утерла бы нос английской верховой. Такая у Василия Петровича была мечта, а как человек азартный и к тому же свободный в средствах, он эту свою мечту начал активно претворять в жизнь.

Постепенно при заводе образовалась конюшня с выбракованными, не взятыми на племя лошадьми. Убивать или продавать своих друзей, которые по каким-то показателям не подошли для развития породы, но при этом были сильными и полными жизни животными, рука у доброго Василия Петровича не поднялась. Вся выбраковка, конечно, оставалась при заводе. Так сформировалось новое направление в работе Дубочков – иппотерапия.

Стали приезжать дети, которым такое лечение было показано. Для них построили пансионат и небольшую молочную ферму, чтобы под рукой были натуральные сливки, сметана и молоко прямо от коровы. Для коров пришлось увеличить кормовые поля. Чтобы было кому заниматься пахотой и сбором урожая, Василий Петрович закупил еще технику и нанял людей. Этим людям тоже надо было чем-то кормить – пришлось завести птичник, устроить огороды, построить теплицы.

Параллельно был разбит фруктовый сад, а поскольку плоды тоже нужно было где-то перерабатывать, появился и консервный завод. Само собой, он давно уже снабжал не только

жителей Дубочков, но и поставлял продукцию в окрестные магазины. Словом, поместье постепенно увеличилось в размерах настолько, что сейчас счет его постоянных обитателей шел уже на сотни. В сезон же и во время праздников, до которых Василий Петрович был большим охотником, здесь бывало больше тысячи, а то и двух гостей.

– Шапочки, горжетки, – донесся горестный стон Лильки. Она все еще продолжала убиваться по своему горю. – Муфточки! Пелеринки! Жаке-ти-ки!

Алена не выдержала:

– Слушай, ты горюешь из-за того, что Борис исчез, или его подарков жалко?

Лилька уставилась на Алену, явно не понимая, о чем ее спрашивают. В ее представлении, одно от другого как-то не отделялось. Есть Борис, и он дарит своей любимой Лилечке дорогие подарки. Что здесь неясного? Одно с другим идет в комплекте.

Борис уже почти три года назад сделался ближайшим соседом Василия Петровича – после того как взял в аренду солидный кусок леса по соседству с Дубочками. Но хотя и сосед, и всегда любезен, и готов прийти на помощь, а Алене этот человек не очень нравился. Она не могла четко сформулировать, что именно в их новом соседе так ее раздражает, но стоило ему появиться на пороге их дома, как настроение у нее стремительно портилось. В такие минуты она старалась как можно незаметней исчезнуть из гостиной, чтобы не видеть лишней раз Бориса и не слышать его шумные речи.

А поговорить сосед любил. Но вот какое дело: все его мысли были направлены исключительно на процветание собственного бизнеса – охотничьего приюта «Вальхалла». В принципе в этом не было ничего особенного.

«Болеет человек душой за свое дело» – так по этому поводу говорил Василий Петрович. Но Алене казалось, что если Борис и болеет, то не душой, а каким-то другим местом. Кошельком, например.

И еще ей не нравилось само дело, которым занимался Борис. На взятых в аренду лесных угодьях он специально разводил лесного зверя: косуль, оленей, лис, волков и даже медведей. Но не просто для того, чтобы выпускать их в дикую природу, а для отстрела. И это Алене было неприятно.

– Да какая разница? – пытался переубедить ее муж. – Что корова, что лось – конец все равно у животного один.

Но Алена считала, что если домашняя корова давно признала над собой власть человека, то лесная корова – лосиха – вполне способна сама о себе позаботиться. Просто не надо животному в этом деле мешать.

– Мне жалко бедных ласок, хорьков и куниц. Жалко белочек. Жалко даже нутрий с бобрами. Но жальче всего тех зверей, которых на охоте для потехи убивают гости Бориса.

– Не забывай: люди платят за это удовольствие очень приличные деньги. Чтобы нам в Дубочках заработать такую сумму, нужно вспахать поле, засеять, снять урожай, и еще не факт, что мы получим прибыль. А у Бориса один только гость оставляет тугую копеечку.

Алена знала прейскурант «Вальхаллы», знала, что охотничьи удовольствия там на самом деле стоили недешево, но ей от этого легче не становилось. Какая разница, что охота – это развлечение главным образом людей богатых. Зверю совсем не интересно, какой счет в банке у человека, выпустившего в него пулю.

Кроме разведения диких животных для отстрела, Борис занимался еще и пушным зверем. В длинных рядах клеток у него сновали ласки, хорьки и норки, меланхолично жевали корм ондатры и шиншиллы, а в заводи плескались бобры, выдры и нутрии. Вдохновленный примером Василия Петровича, у которого все было под рукой, Борис пригласил нескольких специалистов по работе с пушниной. И не прогадал.

Теперь прямо в «Вальхалле» забитых зверей обдирали, обрабатывали шкурки, а потом уже в меховом ателье скорняки шили меховые шубки и манто, в которые быстро принарядились все местные модницы.

Все, кроме Алены. Она, такая любительница красивой и модной одежды, ни разу ничего не заказала у Бориса. Василий Петрович что-то для нее покупал, но и его подарки она старалась не надевать. И не потому, что шубки из «Вальхаллы» были плохи, вовсе нет. Они были и мягкими, и легкими, и удобными, кстати, и качество у Бориса было вполне на уровне. Но вот не лежало у Алены сердце к тому, что делалось в хозяйстве соседа. И вещи, вышедшие из его рук, казались ей какими-то нечистыми.

А вот у Лильки никаких таких принципов отродясь не имелось. Она как увидела Бориса впервые, так сразу и заявила во всеуслышание:

– Этот мужик будет моим!

Работала тогда Лилька в бухгалтерии Дубочков, но при первой же возможности перешла к Борису. Без опытного бухгалтера тому было никак не обойтись, и Лилька упростила Василия Петровича порекомендовать Борису именно ее. Все получилось, как она рассчитывала. Как только закончилось строительство, Лилька въехала в новый дом на правах полновластной хозяйки. Борис не возражал. Он быстро привык, что на нее можно сбросить львиную долю бумажных дел, до которых у самого Бориса руки никогда не доходили.

Счастье Лильки длилось ровно три года. За это время ее избранник ни разу не дал повода усомниться в своей верности. На других женщин он не смотрел и занят был – так ей казалось – исключительно процветанием своего звериного царства.

Все эти годы Борис с Лилькой жили в домике, который даже непривередливая Алена считала уж слишком скромным. Две комнаты и кухня. Даже водопровода не было, Лильке приходилось самой качать воду из колодца, а зимой, когда насос не работал, и вовсе таскать тяжелые ведра с водой. Зато для своих гостей Борис ничего не жалел. Гостиница, которую он отгрохал, поражала воображение.

Высокие стены, сложенные из гигантских обработанных бревен, а внутри изысканный комфорт. Массивная бронзовая люстра на огромной цепи освещала все пространство холла. Чтобы заменить лампочку или протереть пыль, люстру спускали вниз на специальном устройстве.

В центре холла гостей встречала композиция: волки, атакующие на скаку оленя. Когда Алена впервые увидела чучела этих животных, ее пробрало до слез. Все фигуры были выполнены так натурально, что казались живыми. Запрокинутая голова оленя с короной ветвистых рогов была так тяжела, а обнажившаяся шея так беззащитна... На олене уже повис один серый хищник, второй примерялся, куда бы вцепиться, а третий, в прыжке, явно намеревался свалить добычу, чтобы уже на земле разделаться с ней.

– Ты чего плачешь? – удивлялась Лилька.

– Оленя жалко.

Но нет, как ни печальна была судьба бедного оленя, Алена понимала, что волкам в жизни пришлось не слаще. Что хищники, что жертва сами стали добычей главного хищника – человека.

А Борис был доволен.

«Шикарная композиция! – то и дело повторял он и пыжился от гордости. – Гости ахают. Фотографируются обязательно. Друзей своих привозят, чтобы и те просто посмотрели».

Просто посмотреть – это значит остановиться у Бориса хотя бы на сутки. А дальше без дополнительного сервиса не уедешь. Борис, кажется, ни единого раза не отпустил гостя, не навязав ему чего-нибудь. Для мужчин – охота, пусть даже на зайца-русака, все равно копеечка в карман Бориса. Если повезет, охотника можно будет уломать на кабанчика, косулю,

даже на волка. Два-три экземпляра в ожидании своей участи постоянно томились у Бориса в вольерах.

А если мужчины наотрез отказывались охотиться, тогда их дамам предлагали широкий выбор мехов. Не соблазнялись дамы – оставались дети, которых приглашали в звериный детский сад, и уж здесь без покупки пушистого друга дело точно не обходилось. Бориса могла осчастливить любая продажа. Смириться с тем, чтобы гости уехали от него, ничего не потратив, он не мог, просто физически не отпускал их от себя. Если видел, что самому точно ничего не продать, вез строптивца к Василию Петровичу в Дубочки. Такой он был делец до мозга костей и упустить клиентов, ничего им не втюхав, просто не мог.

– Я не сумел поживиться, так пусть хоть тебе с них навар будет. Сегодня я тебе, когда-нибудь ты мне, – приговаривал он в таких случаях.

У Василия Петровича в магазинах было что приобрести. От него гости уезжали на тяжело груженных машинах. Те же молоко или масло в Дубочках были куда вкуснее и уж точно полезнее тех, что давали коровы в других хозяйствах, обреченно стоящие целыми днями в стойлах. Это понимали даже самые большие любители экономить. Именно они в итоге и готовы были брать столько продуктов, сколько в машину вмещалось.

Что и говорить, торговля у Василия Петровича шла бойко. Да и Борис не мог пожаловаться на отсутствие клиентов. Бизнес приносил ему приличную прибыль, так что владелец этой меховой роскоши мог себе позволить делать подарки своей верной любовнице.

Лилька, получив очередную шубку, была на седьмом небе от счастья. А вот Алена с трудом удерживалась, чтобы не сказать вслух: «Ты же на него бесплатно работаешь, голубушка. И бухгалтерия на тебе, и дом, и в зверином хозяйстве ты помощница, и в постели незаменима. Три, даже четыре должности в одной. И все это ради нескольких шуб, которые ты и не надеваешь почти никогда?»

Но Лилька ничего не желала замечать. Она втрескалась в своего Бориса и видела мир исключительно его глазами. Алене даже неприятно стало общаться с подругой, в такую расчетливую особу превратилась Лилька. Только и разговоры с ней теперь что о прибыли.

Невольно Алена, конечно, сравнивала Бориса и своего мужа. Василий Петрович тоже был деловым человеком, но он всегда любил повторять:

– Все, что при жизни заработано, здесь же и останется. С собой еще никто ничего не забирал. Так лучше я сейчас с людьми поделюсь: и им приятно, и я свою собственную душу этим спасу.

Как раз в тот момент, когда подруги на кухне обсуждали исчезновение Бориса, Василий Петрович вошел и, не обращая внимания на зареванную Лильку, провел какого-то высокого носастого дядечку к кастрюлям на плите.

– Сейчас отведаете нашей полбы, – улыбнулся он гостю.

И щедро положил в цветастую плошку что-то белое и разваристое.

Гость пробовал диковинное блюдо сперва осторожно, потом распробовал. А когда на доньшке оставалось уже всего ничего, заявил, что находит вкус замечательным.

– Что это за каша?

– Это, батенька, полба, – Василий Петрович был очень доволен произведенным эффектом. – Толченой полбой на Руси-матушке испокон веков питались – хоть крестьяне, хоть бояре. Томили, варили каши, кисели. Еще во времена Пушкина это была самая обычная русская еда.

– Признаюсь, никогда не слышал.

– Слыхали, батенька, – успокоил его Василий Петрович. – Помните в «Сказке о попе и о работнике его Балде»: «Буду служить тебе славно, усердно и очень исправно, в год за три щелчка тебе по лбу, есть же мне давай вареную полбу»? Полба – это пшеница, которую

сеяли до наступления эры комбайнов. Она нежнее нынешней пшеницы, для сбора комбайнами в промышленных масштабах такое зерно не подходит. Когда появилась новая техника, агрономам ничего не оставалось, как придумывать новые сорта пшеницы. У современных сортов стебель прочнее и вкус грубее, а у полбы зернышки мелкие, зато кожура тоньше и вкус приятнее.

– Удивительный вкус, – согласился гость. – Очень приятный.

– А если с завтраком покончено, идемте дальше хозяйство осматривать.

Но Василию Петровичу не удалось так быстро уйти. Зареванная Лилька подняла на него глаза и спросила:

– Василий Петрович, как же с Борей-то быть? Ведь пропал человек!

Муж Алены притормозил. Кажется, он только сейчас сообразил, что на кухне сидят его жена с подругой.

– Здравствуй, Лилечка, – рассеянно поздоровался он. – Что, ты говоришь, с Борисом?

Всхлипывая, Лилька призналась, что вот уже пятый день не может дозвониться до своего Бориса.

– Никакой связи с ним нет. Я и через вайбер пробовала, и через скайп, и через социальные сети! И на почту ему писала! Одних эсэмэсок штук сто отправила!

– Зачем же так много?

– Но ведь никакой реакции! С ним что-то случилось!

– Насколько я помню, Борис собирался на очередной меховой аукцион.

– В Германию, – кивнула Лиля, – на два дня. Туда-сюда плюс дорога – пусть трое суток.

Но ведь все сроки вышли, седьмой день пошел, как его нет. В прошлый понедельник вечером уехал. Вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, – Лилька старательно загибала пальцы. – Сегодня понедельник, а его все нет. Я вчера вечером не выдержала, позвонила брату, он у меня таможенник. Попросила выяснить, не возвращался ли Боря. Так вот, Слава сегодня утром перезвонил и сказал, что Боря вообще из страны никуда не уезжал.

– Как не уезжал?

– А вот так.

– Может, ошибся твой брат?

– Я ему то же сказала. Но нет, у них на таможне все четко. Если выехал человек, это обязательно фиксируется. Если въехал – тоже.

– Ладно, допустим, Борис не уезжал из России. Но он мог поехать на аукцион не в Германию, а допустим... даже не знаю, пусть будет в Якутию.

– Никогда не слышала, чтобы у него были такие каналы. Боря только в Германию и в Грецию мотался. В последнее время еще о Китае подумывал. Но чтобы в тот же Китай попасть, границу все равно надо пересечь. А Боря ее не пересекал ни туда, ни обратно! – Лилька заломила руки. – Ах, я уверена, с Борей что-то случилось!

– Перестань, что с ним могло случиться? Он же взрослый мужик. Деньги теперь налом никто не возит. А сам по себе Борис... Кому он нужен?

Но, судя по выражению лица Лильки, у нее на этот счет было другое мнение. Она упорно продолжала считать, что ее Борис очень даже может кому-то понадобиться. Причем до такой степени, что этот кто-то вполне способен его похитить. Лилька уже пыталась все это изложить Алене, теперь пришла очередь Василия Петровича выслушать ее сбивчивый монолог.

Глава 2

Изложив все, Лилька в очередной раз шмыгнула носом и уставилась на Василия Петровича преданным взглядом. Всем в Дубочках было хорошо известно, куда надо бежать, когда что-то случается. Конечно, к хозяину: он поможет, разберется.

Вера во всемогущество Василия Петровича была настолько сильной, что к нему приносили даже больных младенцев, чтобы поставил диагноз и решил, что делать с ребенком. Чаще всего так и случалось. Нет, ставить диагноз Василий Петрович, конечно, не спешил, зато всегда находил возможность быстро и за собственный счет отправить ребенка в хорошую клинику, где им занимались уже профессионалы.

Лилька тоже была уверена, что если кому и под силу вернуть ей исчезнувшего Бориса, то только мужу Алены.

– Василий Петрович, – взмолилась она, – помоги! Если Борис из страны не уезжал, а назад носу не кажет, значит, с ним беда. Ты же знаешь, какой он хозяин. Ему на день своих тушканчиков оставить, и то трудно. А тут почти целая неделя!

– Лиля, но мало ли какие у человека дела. Борис – взрослый мужчина.

– Знаю я, какие у него дела, – неожиданно рассердилась Лилька. – Баба ему звонила. Сманивала!

– Почему сразу сманивала? Борис занимается мехами, пушниной. В этом бизнесе немало женщин. Наверняка ему звонила деловая знакомая.

– Деловые знакомые такими игривыми голосами не говорят! И в трубку не молчат! Что вы мне рассказываете, Василий Петрович? Или я мало этих бизнесвумен повидала? Они всегда четко и ясно докладывают, кто они такие и по какому поводу звонят. А эта как позвонила?

– Как же?

– Позвонила и говорит: «Мне бы Бориса». А у самой голос такой... – Лилька не удержалась от непечального слова, а потом дополнила: – Как у проститутки, когда она клиента заманивает!

– Тебе могло показаться.

– Нет, мне не показалось. Я Борю поэтому звать не захотела. Сказала этой мымре, что его нет.

– А куда же она звонила? У вас в «Вальхалле» ведь стационарного телефона нет.

– На сотовый Боре она позвонила. Он в тот день телефон случайно дома оставил, вот я и ответила за него. Ничего такого, я и раньше так делала. И никогда Боря на меня за это не сердился. А тут... Разорался, ногой топнул. «Что это, – кричал, – происходит, почему в мои дела лезешь?»

– А ты номер этой звонившей запомнила?

– Не было у нее номера. Засекречен.

– Она тебе представилась?

– Да. Сказала, что Дебора звонит.

– Как?

– Дебора.

– Имя какое-то удивительное, – Алена произнесла это с таким выражением, чтобы сделать приятное Лильке, которой эта Дебора явно активно не нравилась.

– Редкое в наших краях имя, – подтвердил следом за женой и Василий Петрович. – А что эта Дебора еще сказала?

– Ничего, только Борю требовала. А когда узнала, что его нет, разозлилась, звонок сбросила. Он потом меня отругал, телефон схватил и в другую комнату разговаривать ушел. Я через стенку слышала, как он с этой бабой разговаривал.

– А как ты узнала, что именно с ней?

– По имени ее называл.

– Выходит, он ее номер знал?

– Она сама ему перезвонила. И потом еще несколько раз звонила в течение недели. Боря уже старался свой телефон без присмотра не оставлять, только привычка – это же вторая натура, вот он иногда и забывался. Я всю его записную книжку проштудировала – нет Деборы!

– Некоторые мужчины записывают имена случайных подружек шифром. Девушку Дебора звали? А Борис мог ее Димой записать.

– Всех его Дим я знаю.

– Еще как-нибудь.

– Чего теперь гадать, – вздохнула Лилька. – Но звонки этой Деборы для Бориса кое-что значили.

– Ты еще с ней говорила?

– Нет. Она звонит, а я сразу телефон – цап. И слушаю. Она молчит, и я молчу.

– Неужели Борис не ругался?

– Молчал. Мне бы еще тогда сообразить, что это не к добру, а я, дура, ничего не поняла! Думала, мой Борис навсегда. А он вон как – взял и к этой Деборе свалил. Сижу теперь вся на нервах, думаю, собирать вещички или еще погодить. Как думаете, Василий Петрович?

– Думаю, что торопиться тебе не нужно. К Деборе уехал Борис или еще к кому, в любом случае он будет недоволен, если ты уедешь и бросишь без присмотра хозяйство.

– Я к нему прислугой не нанималась. Я ведь думала, что у нас с ним любовь, что он на мне женится.

– А он обещал? – неосторожно удивился Василий Петрович, чем обидел Лильку еще сильнее.

Она набычилась.

– Раз подарки дорогие дарит, значит, любит, так ведь? А если любит, значит, со временем женится.

Носастый долговязый дядечка, очень похожий на Рассеянного с улицы Бассейной, как его любят изображать на обложках детских книжек, неожиданно хмыкнул.

– Распространенное заблуждение, – авторитетно произнес он. – Ах, извините, забыл представиться. Шляпкин.

– Кто?

– Шляпкин Донат Николаевич, доктор психологии. К вашим услугам.

Любопытная Лилька и здесь не удержалась, забыла о собственном горе и пискнула:

– Психов лечите?

– Что вы, я консультирую самых обычных людей. Вы себе даже не представляете, как часто нормальные, на первый взгляд, люди оказываются не в ладах с реальностью.

Лилька не поняла и половины сказанного, а потому вытаращилась на похожего на швабру дяденьку:

– Вы сейчас о чем?

– Поясню на вашем примере. Вот вы сказали, что раз любимый мужчина дарит вам дорогие подарки, значит, он вас сильно любит и даже собирается жениться. В корне неверный вывод! Мужчины совсем не обязательно делают подарки именно тем женщинам, с которыми намерены сочетаться узами брака. Научкой установлено, что мужчины куда чаще и

охотнее делают дорогие подарки именно тем цыпочкам, с которыми не собираются связывать свою жизнь.

Из всего сказанного Лилька услышала одно слово.

– Цыпочкам? – прошептала она, и этот шепот уже обещал бурю. – Значит, по-вашему, я для моего Бори была цыпочкой?!

Запруду слез прорвало. Уронив голову на стол, Лилька рыдала с такой силой, что перед ней даже образовалась небольшая лужица. Непривычный к такому бурному проявлению чувств, Шляпкин приплясывал рядом. Он не застал первый слезный приступ и познакомился с Лилькой в состоянии относительного шубного умиротворения, так что ничего удивительного, что сейчас он испугался.

Он пританцовывал вокруг Лили, как неуклюжий аист, и, кланяясь, почти касался ее склоненной головы своим красным носом. Аист Шляпкин бормотал какие-то извинения, но ничего не помогало. Наконец, сильно сконфуженный, он поспешил ретироваться из кухни. Следом за ним заторопился и Василий Петрович.

По пути он делал своей жене знаки, которые нужно было, наверное, истолковать так: убери эту припадочную из нашего дома, пока мне всех гостей не перепугала. Алена в ответ корчила рожи, дескать, не могу, подруга, надо выслушать, раз твой доктор психологии с первой же минуты облажался.

– А этот доктор вроде бы ничего.

Алена обернулась и увидела, что Лилька выключила слезы.

– Он у нас надолго, не знаешь?

– Вроде бы Вася собирается предложить ему работу.

– Надо же, – еще больше оживилась Лилька. – И какую?

– Штатным психологом его берет.

– Этого у нас в Дубочках в самом деле не хватает, – хихикнула Лилька, не удержавшись. – Так и вижу, как свинарки и доярки после смены выстраиваются в очередь, чтобы рассказать ему о своих душевных проблемах. – Лилька принялась хихикать громче. – Так и слышу, как слесари и пекари психологу этому жалуются: «Начальник цеха тринадцатую зарплату всем выписал, а мне нет. Как с ним себя вести? Морду бить или нет?»

Алена обрадовалась, что подруга больше не ревет, и подхватила:

– А за ним другой, и тоже с жалобой. «Всю зарплату до копейки в семью приношу, а на новый спиннинг эта жаба – моя баба – жмотится. Вместо спиннинга себе силикон в губы вколола и еще требует, чтобы я радовался. Мне подарок сделать хотела. Теперь сидит со своим силиконом, сама как осами покусанная, я без спиннинга, но считается, что мы с ней дико счастливы. И как с такой гадиной дальше жить?»

– И девки подтянутся. Раньше на парней гадали, а теперь у психолога будут узнавать, любит или бросит.

Последняя шутка явно вышла неудачной, Лилькины глаза снова стали наливаться слезами. Чтобы не допустить нового потопа, Алена поспешно предложила:

– А если нам с тобой самим Борю поискать?

Лилька мигом передумала плакать и уставилась на нее:

– Это как самим?

– Очень просто. Ты уже выяснила, что нашу страну он не покидал. Значит, район поисков сужается.

– Ага, до одной шестой суши, или сколько там у нас осталось?

– Мне кажется, Борис далеко не уехал. Наверняка где-то здесь поблизости околачивается.

– Почему ты так решила?

– Он так трясется над своим звериным хозяйством. Вспомни, ты сама рассказывала, как он в лютый мороз с температурой под сорок поехал в лесной загон проверить, достаточно ли корма у кабанов. И еще загон им поправлял, чтобы они в комфорте ночевали.

– Конечно, у него через пару дней важный клиент приезжал. Надо было, чтобы кабанчики к его приезду были способны двигаться.

Борис и правда был фанатично предан своему делу. Не так, как Василий Петрович, по-своему, но все же. Далеко или надолго он точно старался не отлучаться. Почти неделя отсутствия – для него это был рекорд. Только неясно, ради чего поставленный.

– Я ведь почему так расслабилась: Борька же предсказуемый был. Я думала, что вдоль и поперек его изучила. А он вон чего, Дебору себе нашел.

– И где он ее только взял?

– Вот и я думаю. В Дубочках никого с таким именем не было, я узнавала. Ни в гостинице, где деловые знакомые Василия Петровича останавливаются, ни в пансионате, где отдыхающие живут.

– И к вам она не приезжала?

– Нет.

– Тогда один вариант: Борис с ней познакомился в одной из своих командировок. Вспоминай, Дебора эта появилась после какой-то его отлучки?

Лилька углубилась в воспоминания и вынуждена была признать, что Алена права. Первый звонок Деборы прозвучал на другой день после того, как Борис вернулся из Питера, куда ездил договариваться о поставке серии премиальных меховых изделий в один из магазинов.

– Тогда все ясно! Дебора или владеет этим магазином, или работает заведующей. Как магазин назывался, помнишь?

– «Пушистые штучки».

– Ага, – многозначительно произнесла Алена. – Мне даже кажется, я знаю, кто нам с тобой поможет выяснить об этих штучках все!

С тех пор как Инга вышла замуж и официально стала мадам Залесной, ее привычки решительно изменились. Если раньше она прежде всего заботилась о самой себе, то теперь, заполучив супруга, вынуждена была собственные удовольствия отодвинуть на второй план. Теперь чтобы побаловать себя, Инге всякий раз приходилось совершать над собой усилие. Пусть и крошечное, пусть даже не усилие, а всего лишь напоминание, но без него как-то не получалось. Тем сильнее она обрадовалась, когда поняла, что ее тянет понежиться в горячей воде с шапкой ароматной пены.

Задумано – сделано. Не прошло и десяти минут, как Инга уже растянулась в ванне, чувствуя, как сильная струя воды взбивает пену вокруг нее.

Ох, до чего же хорошо.

Погода стояла сырая и холодная. Июнь, а больше похоже на апрель. Или даже на март. Пришлось достать запрятанные поглубже теплые куртки, шапки и обувь. Долго находиться на улице не хотелось, но и дома было немногим лучше. Топить в июне ни одна котельная не собиралась. И плевать этим коммунальщикам, что градусники за окном даже днем редко поднимались выше отметки десять градусов, а ночью температура и вовсе стремилась к критическому нулю. Как ни крути, горячая ванна оставалась единственным спасением на случай свихнувшейся погоды.

Залесный предлагал оборудовать у нее в квартире сауну. Но пока руки до воплощения этого замысла у него не дошли, Инга довольствовалась привычной процедурой. Может, оно и хорошо, что Залесный не спешит с обустройством сауны. Все-таки организация быта – не самая сильная сторона ее любимого. Он и потолок на кухне белил несколько месяцев. Грязи

развел столько – ведрами не перетаскать. Все что-то подправлял, подкрашивал, а потолок все равно получился в пятнах.

Релаксации в горячей воде помешал телефонный звонок. Инга уже почти задремала, пришлось приоткрыть один глаз, чтобы проверить, не почудилось ли ей. Телефон звонил, и она поблагодарила себя за предусмотрительность. Оба телефона, домашний и мобильный, лежали близехонько, на расстоянии вытянутой руки.

Звонила Алена. С первых слов стало ясно, что у подруги что-то случилось. Инга, конечно, пыталась задавать вопросы, но Алена, когда волновалась, говорила так быстро, что перегородить плотиной ее словесный поток было почти невозможно.

– Какие еще «Пушистые штучки»? – вяло отбивалась Инга. – Зачем мне ехать в этот магазин, да еще срочно? За шубой? Сейчас же лето!

В ответ Алена разразилась такой пулеметной очередью, что Инга поняла окончательно: ее горячей ванне пришел конец. От подруги даже на расстоянии шла такая волна энергии, что Ингу буквально выбросило из воды.

– Уже бегу. Да-да, поняла, это очень срочно.

Влажному телу немедленно стало зябко. Еще на минуточку Инга запрыгнула в ванну, погрелась, а потом схватила махровую простыню приятного нежно-зеленого оттенка. Цвет ее слегка насторожил – она как-то не помнила, чтобы покупала такую. Видимо, это Залесный принес в дом в один из редких приступов хозяйственности, которые на него иногда находили.

Умилившись заботе любимого, Инга попыталась завернуться в простынку, но поняла, что сделать это не так-то просто. Какой-то умник сшил простыню совершенно невероятным образом. У нее имелось узкое отверстие посередине, а все остальное было застрочено так, что получалась какая-то звезда с пятью неравными лучами. Два длинных, два покороче, а один совсем коротенький и толстенный.

Что за ерунда? Зачем это здесь?

Тут Инга начала смутно припоминать, что Залесный говорил что-то о подарке, который он приготовил для любимой женушки. Похоже, это он и был.

Что это такое, Инга сразу разобраться не смогла. Но ткань была такой мягкой и пушистой, что просто невозможно было человеку, выскочившему из ванны, не начать ввинчивать себя в отверстие посередине. Вскоре она разобралась, что два длинных отростка – это штанины, покороче – рукава, а самый короткий – капюшон. На животе была вшита молния, застегнув которую Инга взглянула в зеркало и невольно закричала.

Из зеркала на нее смотрел то ли заяц, то ли другой зверь, явно тяжело больной, поскольку заплесневел до ушей. Наружу торчали только нос, щеки и рот с подбородком, а голову украшали два острых длинных отростка – ушки.

Инга повертелась перед зеркалом и решила, что в принципе все не так уж плохо.

Вот только зеленая ткань придавала ее лицу тот особый оттенок, какого у здорового человека не бывает. Инга потянула за молнию, и она послушно поползла вниз. Голове стало свободнее, получилось даже скинуть капюшон, но моментально стало холодно мокрому затылку.

Пришлось ей снова потянуть молнию вверх. Ей показалось, что вверх молния идет как-то туже, чем вниз. Но Инга торопилась согреться и поэтому не обратила на капризы молнии никакого внимания.

Обхватив себя руками, она попрыгала по комнате, чтобы согреться. По батарее немедленно застучали. Инга знала, кто там шумит. Несколько месяцев назад в квартиру этажом ниже въехала пожилая дама, обладательница крайне скверного характера.

В свой первый визит она предупредила Ингу:

– Я сплю очень чутко, маюсь бессонницей по ночам. Так что, будьте любезны, соблюдайте тишину.

Не заподозрив ничего дурного, Инга заверила, что они с мужем живут тише некуда. Но очень скоро выяснилось, что все не так просто. Оказалось, что сон у их соседки настолько чуткий, что малейшего шума достаточно, чтобы она уже не сомкнула глаз.

Видимо, чтобы как можно больше народу знало, что она уже не спит, соседка время от времени изо всех сил колотила шваброй по батарее. У этой дамы, единственной во всем их подъезде, еще сохранились чугунные радиаторы, звук которых разносился во все концы. Попробуй постучи по пластиковой оплетке – совсем не тот эффект.

Прыгать Инга перестала. Она уже согрелась, и злить соседку совсем не хотелось. Хотя, с другой стороны, было уже почти одиннадцать, так что особо виноватой она себя не чувствовала. Соседке снизу так и не удалось внушить им с Залесным трепетное отношение к собственному сну. Несмотря на то что сон мог сморить эту даму хоть в полдень, хоть в два часа пополудни, хоть в шесть вечера, вести себя тихо рекомендовалось всегда. Просто на всякий случай, а вдруг?

Ходить по квартире в теплом и мягком комбинезоне было приятно. Еще одна радость – такой наряд не требовал ни носков, ни тапок. Вот только с руками возникла проблема. Поскольку заячьи лапы были застрочены наглухо, освободить пальцы можно было не иначе, как высвободив верхнюю часть целиком. Разумеется, Инга не собиралась этого делать и попыталась обойтись своими новыми лапами.

Какое-то время ей казалось, что она победила, но затем чайник выскользнул и с громким грохотом покатился по полу, разбрызгивая воду. Снизу застучали еще активнее. Инга подняла чайник, еще раз наполнила его водой и поставила на плиту. На этот раз она действовала аккуратнее, воды налила совсем чуть-чуть, так что сложная операция прошла благополучно.

Но появилась новая проблема. Как зажечь огонь? Были бы чайник или плита электрическими – никаких проблем, щелкнул кнопкой, и все. Но у Инги плита была газовой, еще и розжиг барахлил. Залесный все обещал, что посмотрит, починит, продует, поменяет, и все заработает как новое или даже лучше. Но обещать он обещал, а делать не делал. И мастера вызывать не разрешал.

– Зачем? – отвечал он обычно. – Сегодня после завтрака все сделаю.

После завтрака что-то его отвлекало, и он обещал:

– Вечером точно.

Приходил вечер, потом вечер уходил, но все оставалось без изменений. Ингу это бесило, а самого Залесного – ничуть.

– Завтра посмотрю, – зевал он и засыпал сном младенца.

Словом, розжиг не работал, приходилось пользоваться спичками. Инга нащупала коробок, достала из него одну и прежде, чем успела подумать, можно ли зайцам зажигать огонь, чиркнула спичкой. В первые секунды все было нормально, она даже успела поднести спичку к плите и увидеть, как вспыхнул газ. Но дальше спичку следовало погасить, и вот это у Инги уже не получилось.

Злополучная спичка зацепилась за какую-то ворсинку, прилипла, потом неудачно извернулась и упала прямо на мягкую ткань.

– Ай-ай-ай! – заверещала Инга, чувствуя, как в воздухе запахло паленым.

Она попыталась стянуть с себя комбинезон, дергая за молнию, но та безнадежно заела. Чем-то забился замок, отчего молния не желала двигаться. А паленым тем временем пахло все сильнее и сильнее.

– Спасите! Помогите!

Инга заметалась по кухне, роняя посуду. Кое-что падало и оставалось целым, что-то со звоном разбивалось. Шум стоял страшный, но снизу, как ни странно, больше не стучали. Если бы у Инги было время это заметить, она бы насторожилась. Впервые за все время их

соседства у дамы снизу появился объективный повод для недовольства, а она не соизволила им воспользоваться. Но Инге было не до того.

Комбинезон дымился уже изрядно, Инге даже показалось, что ее филейную часть начинает припекать.

– Воды! Дайте воды!

Инга пыталась открутить краники, но мягкие лапы скользили по металлу, не давая желаемого сцепления. Не успевший закипеть чайник она вылила на себя. Та же участь постигла компот, который настаивался со вчерашнего дня. Когда не помогло и это, пришлось опрокинуть на себя кастрюлю с вермишелевым супом. Вроде бы помогло. Но в следующую секунду в том месте, где должен был находиться хвост, запекло так, что она взвизгнула и бросилась в ванную.

К счастью, воду она выпустить не успела и сейчас со всего размаху запрыгнула в полную до краев ванну. Вот где настоящее счастье! Какое-то время Инга просто радовалась, как удачно для нее все закончилось. Дальше раздался звонок в дверь, и из ванны пришлось выбираться. Сделать это оказалось не так-то легко. А когда все-таки получилось, к своему удивлению, Инга обнаружила, что воды в ванне осталось совсем мало. Часть выплеснулась на пол, а часть впитал комбинезон, который сразу стал тяжелым и неуклюжим.

В дверь продолжали звонить. Кому-то она была нужна позарез. Пришлось крикнуть:

– Уже иду!

Собравшись с духом, она прошлепала по полу к дверям. Теперь идти было совсем не так приятно. Каждый шаг давался с трудом, по сторонам летели брызги, а за собой Инга оставляла мутные озерца, в которых плавали звездочки морковки, попавшие сюда из супа.

В дверь продолжали звонить. От этого надсадного звона в голове у Инги случился какой-то затор. Не думая, какое впечатление можно произвести в костюме мокрого заплеванного кролика, она распахнула дверь. Нетрудно было догадаться, что за дверью стояла соседка снизу.

– Вы!..

Только это сварливая особа и сумела из себя выдавить, после чего ее лицо вытянулось, нижняя челюсть мелко задрожала, а сухие ручки потянулись к глазам, чтобы закрыть их от ужаса, который перед ними находился. Испугавшись видения, соседка непроизвольно сделала несколько шагов назад.

– Вы что-то хотели? – с ледяной вежливостью осведомилась Инга.

– Нет-нет, простите, я ошиблась дверью, – залепетала жертва бессонницы и на негнущихся ногах отступила еще дальше.

Пройдя еще пару шагов, она уперлась спиной в стену. То ли не поняв, что это такое, то ли по другой какой причине, но соседка вдруг взвизгнула, сделала прыжок в высоту, изобразив испуганного кролика, а потом резко метнулась в сторону.

– Всего доброго, – успела крикнуть ей Инга, но в ответ услышала только шум закрывающейся двери лифта.

Что бы там ни собиралась высказать ее соседка, это уехало вместе с ней. Возвратившись в прихожую, Инга не удержалась и бросила взгляд в зеркало. Увиденное заставило ее оцепенеть. На нее смотрел не мокрый заяц, а измятое волосатое чудовище. Заячьи уши намокли и повисли лохматыми тряпочками. Лицо спряталось под сползшим капюшоном. Зато на голове существа появилась настоящая шевелюра из мелких белых гусениц. Они шевелились и медленно разбредались по телу, занимая все большее и большее пространство.

– Мама, – прошептала Инга, которой как раз в этот момент свалилась на нос гусеница.

Она дернулась, и через минуту уже не одна, а несколько десятков гусениц облепили ей лицо. Одна попала в рот, и Инга машинально сдарила ее зубами. Знакомый вкус мигом объяснил ей, в чем здесь дело.

– Вермишель! Эх, хороший был супчик. И вермишелька так хорошо разварилась, – удовлетворенно кивнула Инга и снова отправилась в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Ее ждало новое приключение. Пускаться в него с вермишелью на голове вряд ли стоило. Всегда нужно выглядеть привлекательно – это Инга усвоила твердо.

Глава 3

Магазин «Пушистые штучки», куда она отправилась сразу, как только избавилась от своего костюма, находился на Петроградской стороне. Инга выяснила это, изучив по старинке карту города. Навигаторам и прочим модным штучкам она не то чтобы не доверяла, просто считала, что нет ничего надежнее того, что уже отпечатано на бумаге.

– Петроградка, – даже присвистнула она. – Магазин мехов! Это какие же там у них могут быть цены?

В ее представлении, в самом престижном районе города должны были располагаться самые фешенебельные магазины. Но реальность эти представления несколько скорректировала. Оказалось, что фешенебельные витрины – это далеко не вся Петроградская сторона. Магазин «Пушистые штучки» находился на таких задворках, что ни о каком шике здесь речь идти не могла.

Да и само помещение не слишком располагало к визитам. Какой-то пластиковый магазинчик. Правда, окна чистые, и в них манекены. А продавщицы внутри сонные, шубки вповалку, и еще все с каким-то помятым ворсом и засаленными подкладками.

– У вас вещи как будто не новые, – повела Инга плечами.

– Так у нас секонд-хенд, – буркнула продавщица и лениво зевнула.

Торговля шла вяло, покупателей почти не было. Инга сообразила, что, если она хочет добиться желаемого и познакомиться с Деборой, нужно как-то заинтересовать продавщицу. А что заинтересует их сильнее, чем потенциальная покупательница?

Инга выбрала шубу поновее и направилась с ней в примерочную. Она рассчитывала, что продавщица хотя бы пойдет за ней, но та даже не шелохнулась. Она нарочно долго сидела в примерочной, хотя сразу поняла, что никогда не возьмет песцовую шубку, оказавшуюся у нее в руках. Во-первых, не так чтобы очень дешево. Во-вторых, фасон давно вышел из моды. В-третьих, светлый мех порыжел, а с такой бедой ничего не поможет справиться.

– И чего? – спросила продавщица, когда Инга показалась из примерочной. – Не берете?

Она спрашивала так, словно заранее знала ответ. Инга сказала честно, что вещь в плохом состоянии. Как минимум нуждается в химчистке.

– Хотите, из прошлых партий что-нибудь покажу? Правда, там почти все разобрали, но кое-что посмотреть можно.

К удивлению Инги, предыдущая партия товара выглядела куда приличней. Все вещи были аккуратно пристроены на плечиках, выглажены и почищены. Некоторые так даже казались новыми.

– Совсем другое дело, – похвалила Инга.

Прихватив одну курточку, она пошла в примерочную. На этот раз продавщица пошла за ней, приговаривая:

– Вы не сомневайтесь, весь товар у нас хорошего качества. Будете носить шубку и горя не знать. Вот, отлично село! Как на вас шили.

Курточка действительно пришлась Инге впору. Она подула на мех норки – ворс был густым. Настоящим. Слегка потянула волоски – все в порядке, ничего не лезло, руки у Инги остались чистыми. Пахло от курточки тоже приятно, и подкладка оказалась совершенно чистой. Если даже кто-то носил эту прелесть раньше, это было почти незаметно.

– А там почему все так плохо? – Инга махнула рукой в сторону прилавка, где были свалены шубы.

– Так это новая партия, только вчера прибыла. Разбирать надо, а Деборы нет.

Наконец она услышала имя, ради которого сюда притащилась.

– А Дебора – это кто? – любопытствовала она.

– Хозяйка наша, Дебора Викторовна Игнатюк. Новым товаром всегда она занимается. Только ее сейчас нет, уехала.

– Ой, как жаль. А мне один знакомый обещал, что она для меня скидочку сделает.

– Скидку и я могу оформить. Десять процентов вас устроит?

– Но приятель говорил, что Дебора мной лично займется, – капризничала Инга.

– Хозяйки нет, я же вам объясняла.

– Позвоните ей.

– Не могу.

– Почему это?

– Трубку не берет, – вздохнула продавщица.

– Куда же она делась?

– Не могу сказать, она передо мной не отчитывается. Только уже почти неделя, как ее нет.

Неделя! А ведь Алена тоже что-то говорила о том, что Бориса нет уже семь дней.

– Когда вы в последний раз ее видели?

– Во вторник. Утром забегала, сказала, что два-три дня ее не будет. И исчезла.

А Борис уехал в понедельник вечером. И тоже сказал, что на два-три дня. Допустим, какое-то время нужно, чтобы добраться из Дубочков до Питера. Во вторник утром он мог быть в Питере, где его приняла в горячие объятия Дебора. Нереально? Вовсе нет!

И ведь совершенно точно известно, что некая Дебора звонила ему перед тем, как он исчез. А теперь и сама Дебора, как выясняется, тоже исчезла. Так не могли ли они, того, исчезнуть вместе? Надо скорей рассказать об этом совпадении Алене. Да-да, такая информация нуждается в слушателе.

Задумавшись, Инга направилась к выходу, но ее остановил окрик продавщицы.

– Женщина, я не поняла, вы брать вещь будете или как?

Пришлось притормозить и снять с себя курточку. Дальше начался торг. Инга желала получить скидку, которую ей обещал Борис. Она специально назвала именно это имя, надеясь, что сумеет еще что-нибудь выудить. А продавщица на уловку не велась, имя Бориса проигнорировала, словно и не слышала его никогда, и азартно уверяла, что больше десяти процентов скидки Инге не сделает даже хозяйка.

– Все равно я ее подожду.

– Да ждите на здоровье. Только вещь хорошая, мигом уйдет.

– Скажите, а у вас только комиссионным товаром торгуют?

– Сами же видите, чего спрашиваете? – огрызнулась продавщица.

– Я имею в виду, совсем новые вещи к вам не попадают?

– Новыми не торгуем, не наш профиль.

– Просто я подумала, вдруг у вашей хозяйки есть знакомый, а у него свое меховое ателье или даже цех по пошиву верхней одежды из меха. Может он реализовывать свой товар через ваш магазин?

Продавщица смотрела на нее, как на сумасшедшую, которая человеческую речь понимает с трудом. Было ясно, что с этой темой Инга сильно рискует.

Поэтому она спросила о другом:

– А хозяйка у вас часто исчезает вот так надолго?

На этот раз продавщица ответила неожиданно мирно:

– Первый раз с ней такое, сама удивляюсь. Обычно она с утра уже на работе, гоняет нас почем зря. Сперва мы ее отсутствию даже обрадовались – хоть передохнуть немножко. Но вот новая партия шуб прибыла, а что с ними делать – не знаем.

– И она не предупредила, что ее так долго не будет?

– Ничего не сказала, говорю же.

- Может, муж знает, где она?
- Мужа у Деборы нет.
- Тогда любовник.
- Если и есть какой мужик, Дебора нас с ним не знакомила.
- Тогда просто в загул ушла.

– Кто, хозяйка наша? Вот и видно, что вы ее совсем не знаете. Дебора Викторовна у нас трудоголичка. Для других водки выпить, по казино-клубам погулять или в ресторан закатиться – это удовольствие. А Дебора целыми днями вкалывает и от этого кайф ловит. Первой приходит, последней уходит. И ей это нравится. Сама бухгалтерию ведет, сама товар получает, сама за всем смотрит. Ее нет, и мы все как без рук. Ничего не знаем, ничего не понимаем. Куда шубы в чистку сдавать? Сколько платить? Где деньги на это брать? Как рыбы на берегу оказались.

На всякий случай Инга выпросила телефонный номер Деборы. На улице она первым делом поспешила отчитаться перед Аленой об успешно выполненном задании.

Но Алена немедленно велела отправляться к таинственной Деборе домой.

Инга оторопела. Совсем не это она ожидала услышать. Думала, что Алена ее похвалит, а тут новое дело.

– Как это? – растерялась Инга. – Куда ехать? Я и адрес ее не знаю!

– У тебя же есть номер телефона? Теперь адрес узнать – плевое дело. Я тебе перезвоню, подожди!

В ожидании звонка Инга присмотрела симпатичное кафе с летней террасой, где и устроилась с максимально возможным при питерской погоде комфортом. Ровно полминуты она наслаждалась тишиной и сравнительным одиночеством, пока рядом не нарисовался долговязый юноша – официант. Положил перед ней меню в плотной папке и замер в ожидании заказа.

Инга полистала страницы. Что бы такое заказать, чтобы он отвязался?

– Можно мне стакан крепкого горячего чаю?

– И все?

На лице официанта было написано такое презрение пополам с надеждой, что он все-таки ослышался, что Инга не выдержала. Открыла первую попавшуюся страницу и ткнула пальцем:

– Еще этот тортик.

На картинке кусок шоколадного торта, украшенный листиком мяты и ягодкой вишни, смотрелся довольно симпатично. Но Инга на всякий случай уточнила:

– Он у вас свежий?

– Свежайший! Наш кондитер печет их сам.

– Тогда несите.

Официант исчез, чтобы появиться ровно через полминуты. Чутье подсказывало Инге, что за это время просто невозможно было заварить чай. Так оно и случилось. Сунув нос в то, что ей принесли, она с огорчением обнаружила, что это простой кипяток и пакетик на блюде.

Нет, это было совсем не то, на что Инга рассчитывала при такой стоимости заказа. Дома она привыкла заваривать чай дорогих коллекционных сортов, которые долго настаивались, красиво отпуская цвет. Инга любила наблюдать, как чайники медленно распускались, будто танцевали под только им слышную музыку вальс-бостон.

И вдруг вместо этого удовольствия жалкий пакетик, который в воде, конечно, сразу потек красочными разводами. Ясно, что внутрь добавили краситель, никакая трава не могла бы так быстро завариться. Торт тоже выглядел как-то не так. На картинке он был куда съедобнее, чем оказался в действительности. С шоколадом кондитер явно перестарался, корж

получился слишком тяжелым. Инга нехотя поковыряла тесто, слизала крем и съела вишенку. Листика мяты, который она собиралась опустить в чай, не было вовсе. Наверное, ветром унесло.

Что и говорить, ветер дул сильный. И по-хорошему этому кафе она должна быть благодарна. Пусть торт ей не понравился, зато кипяток официант принес действительно горячий. Можно было спокойно прихлебывать горячую подкрашенную водичку и ждать звонка от Алены.

Она позвонила как раз в тот момент, когда Инга сделала последний глоток.

– Записывай адрес.

Инга записала, хотя сдать без последней попытки все же не смогла:

– А вдруг эта Дебора там не живет?

– Почему это?

– Не все живут там, где зарегистрированы.

– Вот и проверишь.

– А ты не хочешь спросить, есть ли у меня на это время?

Но Алена не была бы собой, если бы задумывалась над такими пустяками. Понизив голос, Алена прошептала в трубку:

– Инга, ради меня сделай это. Лилька мне уже весь пол своими слезами залила, скоро плесень в углах заведется. Пожалуйста! Ты же меня знаешь – в долгу не останусь.

– Ладно.

Инга знала, что поедет. И Алена знала, что Инга поедет. Но если бы они обе знали, чем это закончится, одна бы ни за что не поехала, а другая ни за какие коврижки ее бы не попросила.

Дебора жила в доме на Большой Московской улице. Большой ее назвали разве что в шутку или по случаю соседства с Малой Московской, которая была совсем крохотной. Наверное, Большая выглядела большой только во времена Федора Михайловича Достоевского, обитавшего в этих краях. Сегодня, к радости здешних жителей, это тихая живописная улочка у Владимирской площади.

Узкая односторонняя проезжая часть. Вторую половину улицы занимала пешеходная зона, выложенная плиткой, засаженная молоденькими деревцами и уставленная многочисленными лавочками. Очаровательное местечко, но жить где-то поблизости Инга все-таки не хотела бы. Дыхание мегаполиса, знаете ли, ощущалось и здесь. Невозможно вот так взять и отгородиться от всего недавно высаженными деревцами.

Чтобы попасть в нужную квартиру, Инге пришлось обогнуть фасад здания и войти в темную арку. И вот она уже во дворе-колодце. Внутреннее пространство полностью закрыто, на зеленом пятачке в центре – пара разросшихся кустов акации и детская площадка с домиком и качелями.

Машин во дворе было мало. Рабочий день – все в разъездах. Наверняка и Дебору сейчас не застать.

Но для очистки совести Инга все же подошла к переговорному устройству и набрала номер нужной квартиры. Ей ответил мужской голос, который подтвердил, что знает хозяйку и что Инга может подняться, если хочет встретиться с ней.

Удивившись такой удаче и не чувствуя подвоха, Инга потянула на себя тяжелую дверь и поднялась на второй этаж. Здесь ее уже ждали. Дверь квартиры была приоткрыта.

Широко улыбаясь, Инга шагнула в теплое и чуточку душное нутро квартиры. В прихожей было темно, но Инге удалось разглядеть чей-то силуэт. Она даже открыла рот, чтобы представиться, но не успела. И уже в следующий миг она почувствовала, как ее сзади плотно

обхватили чьи-то руки, другие руки заткнули ей рот, а саму Ингу поволокли в глубь квартиры.

Наверное, ей надо было в этот момент сопротивляться, брыкаться и кусаться. Она была еще сравнительно недалеко от двери на лестничную площадку, могла бы вырваться и спастись, но Инга была настолько деморализована неожиданным нападением, что ей даже не пришло в голову, что надо оказать сопротивление. Она только мычала сквозь зажимавшую ей рот грубую ладонь, пытаясь объяснить, что произошло недоразумение, что она хорошая и ни в чем не виновата. Но разумеется, ее попытки ни к чему не привели.

Закончилось все тем, что Инге заклеили рот скотчем, руки и ноги проворно связали, а саму ее бросили на диван. К этому времени она уже успела прийти в себя от охватившего ее оцепенения и оценить ситуацию. Она была скверной, и это еще очень мягко сказано. Возле Инги суетились сразу три лица мужского пола и неславянской внешности. Кавказ, так определила их для себя Инга и почему-то успокоилась. Кавказские ребята воспитаны в уважении к женщинам. Правда, то, как проворно вязали они сейчас Ингу, заставляло усомниться в этом.

Но если рот у Инги был заткнут, то глаза могли видеть. Инга старательно разглядывала мужчин, стремясь понять, что все это может лично для нее значить. Все трое были сравнительно молодыми, самому старшему вряд ли исполнилось тридцать. И лица у них были не такими уж злыми. Обычные лица, даже растерянные. Похоже, Инга была не совсем та, кого они ожидали.

Наконец все трое отступили от Инги, а один из них спросил:

– Где Дебора? Ты же к ней пришла?

Инга усиленно замычала и затрясла головой.

– Не понимаю. Да или нет?

Инга затрясла головой еще сильнее.

– Давид, мы же ей рот заклеили, она говорить не может.

– И что? Если скотч снять, она орать начнет.

– Пусть напишет.

В итоге Инге развязали руки, дали ей лист бумаги и карандаш и велели писать все, что она знает о Деборе. Она написала. Скрывать правду не имело смысла, так что Инга честно написала, что сама ищет Дебору, поскольку та скрылась с одним из ее близких друзей. Про близкого друга Инга написала для убедительности, на самом деле, она видела Бориса всего пару раз в жизни и назвать его своим другом не могла.

Но ребята поверили.

– Когда это исчезновение вашего Бориса случилось?

Инга трудолюбиво вывела, что примерно неделю назад.

– Ага! Сходится.

Инга видела, что ребята настроены в отношении ее не столько враждебно, сколько настороженно. Что они сами чего-то боятся, потому и ведут себя так.

– Слушай, если мы тебе освободим рот, обещаешь нам, что не будешь орать?

Инга кивнула, и рот ей был немедленно освобожден. Оставались связанными одни ноги, но это уже полбеда.

– А зачем вы караулите Дебору? Она вам денег должна?

– Почти. Не совсем нам, но одному нашему очень хорошему другу.

– Лучшему!

И у них тоже лучший друг.

– А ваш друг почему не ищет Дебору сам? Он чего? Тоже пропал?

Трое переглянулись между собой в таком явном смущении, что Инга поняла, она случайно угодила в точку.

– Ребята, отпустите меня. Вы же видите, я сама занята поисками Деборы. Но я вам не конкурент. На самом деле, мне нужна не она, а Борис.

Но отпускать ее не торопились, сначала детально расспросили про Бориса, кто он такой, откуда, чем занимается. Услышав, что у Бориса целое пушное хозяйство да еще ферма по разведению диких животных, ребята снова начали переглядываться.

– Значит, охотники к этому Борису часто приезжают?

– В сезон все места у него в гостинице заняты. Бывает, Боря даже к себе в дом пускает жильцов.

Об этом Инга знала от Лильки, с которой тоже была немного знакома. Лилька была славной и веселой, вот только с личной жизнью ей не везло. Бабе стукнуло тридцать пять, а замужем она так и не побывала. Борис был последним шансом Лильки устроить свою семейную жизнь, поэтому Инга и взялась помочь разыскать следы беглеца. Все это Инга тоже изложила, и трое ее новых знакомых как-то поскучнели.

– Значит, этот Борис все последние три года почти безвылазно прожил в «Вальхалле»?

– Да.

Инга не понимала, почему заскучали ее новые знакомые. Но они явно утратили интерес к Борису, услышав, что три последних года он почти не высовывал носа в большой мир.

– Побудь пока здесь.

И все трое вышли из комнаты, оставив Ингу в одиночестве. Разумеется, она немедленно воспользовалась этим. Просто так сидеть? Ха, как бы не так. Она принялась активно теревить узлы веревки, которую намотали на ее ноги. Но ловцами эти трое были самыми неопытными. Инге без труда удалось сначала ослабить веревку, а потом и вовсе скинуть ее.

– Отлично.

Но куда податься дальше? За дверь тусуются эти трое, Инга даже слышала их приглушенные голоса. В окно?

Сняв туфли и скинув окончательно ослабшую веревку с ног, Инга на цыпочках подошла к окну. Оно было приоткрыто, но прыгать с высоты второго этажа как-то не хотелось. Все-таки второй этаж в домах дореволюционной постройки – это вам не второй этаж современной панели или той же хрущевки. Окна квартиры находились на высоте добрых пяти, а то и семи метров. И сигать с такой высоты вниз на асфальт Инге что-то не улыбалось.

Надо поискать другой выход.

Но других выходов из комнаты видно не было. Так что, вернувшись назад на свой диван, Инга вновь накинула на ноги веревки и стала ждать продолжения.

Переговоры за дверь прекратились. И в комнату вошел один из молодых людей, тот самый Давид.

– Побудешь пока с нами.

– Вы меня похищаете?

– Нет! – испугался молодой человек. – Что вы! Просто нужно, чтобы Дебора не узнала, что мы ее здесь ждем.

– И долго собираетесь ее ждать?

– Пока не придет.

– А если она вообще не придет?

– Придет. Это ее квартира. Другой у нее нет. Рано или поздно она сюда явится. Вот ее документы, паспорт. Мы смотрели.

– Паспорт? Она оставила свой паспорт дома?

– Заграничный, – с явным неудовольствием пояснил Давид.

Заграничный – это значит, что покидать территорию РФ Дебора не собиралась. Ну что же, Борис ведь тоже никуда из страны не уезжал. Здесь они где-то, голубчики. Но вот где?

Велика Россия-матушка, найти на ее просторах человека, который не хочет быть найденным, дело ох какое непростое.

Давид не был склонен к длительным разговорам. Он еще раз пояснил Инге, что ей лично ничего не угрожает, что она пробудет с ними ровно до тех пор, пока они не найдут Дебору, а потом Ингу отпустят.

– Мы пойдем обед готовить. Или даже сразу ужин. Вы что любите? Рыбу, мясо или курицу?

Ничего себе! Они ее разносолами потчевать собрались? Инга даже приободрилась. А чего? Трое симпатичных молодых мужчин сейчас будут готовить для нее угощение. Просто какой-то праздник, а не плен.

Но потом Инга опомнилась. Если эти трое намерены держать ее взаперти вплоть до появления Деборы, то их гостеприимство может затянуться не на один день. Ужином они ее кормить собрались! А потом еще и завтраком. И так пойдет и поедет. Если Деборы нет уже седьмой день, тогда она может и еще столько же отсутствовать. Или даже десять дней. Или две недели. Что же Инге здесь так две недели подряд и сидеть сиднем? Нет уж! У нее другие дела есть. Любимый муж, в конце концов, домой вечером придет, а где женушка?

Ау! Нет женушки! В плену женушка!

Так что, поулыбавшись Давиду и отправив того жарить курицу, Инга вновь скинула с ног веревки и подошла к окну. М-да. Высота приличная. Однако, свесившись из окна, Инга обнаружила приятный бонус, появившийся во дворе. Это была маленькая «Газель» с брезентовым тентом. И стояла она недалеко. Чуть в стороне, но если пройти вон по тому карнизу, а потом уцепиться за вон тот выступ, то может получиться.

«Тент гораздо мягче асфальта. А если я еще и на руках повисну, то высота совсем сократится. Возможно, я даже ничего себе не отобью, если прыгну».

Но прежде чем уходить, Инга прокралась к дверям и прислушалась. О чем там разговаривают ее трое новых знакомых? Ребята говорили на каком-то незнакомом Инге языке, но в их фразах часто встречалось имя Деборы. Так что Инга поняла, они все еще обсуждают свою проблему. Инге очень бы хотелось узнать, как именно кинула Дебора эту компанию.

Наверняка ведь кинула! Неспроста же эти трое так рвутся к непосредственному общению с Деборой. Внезапно раздался звонок телефона. Мужчины сразу замолчали. Телефон звонил еще какое-то время, а потом включился автоответчик, который посоветовал оставить сообщение. В следующую минуту раздался голос:

– Дебора, это Вадим. Помнишь, что мы встречаемся с тобой сегодня по поводу нашей проблемы? Я звонил тебе на мобильный, оставил несколько сообщений в ватсапе и в вайбере, но ты не отвечаешь. Надеюсь, что ты все-таки сдержишь свое обещание и придешь на встречу. Сегодня понедельник, мы договаривались. На всякий случай, диктую тебе свой адрес еще раз.

И дальше прозвучал адрес, который Инга старательно запомнила. Переулок Джамбула – это ведь совсем рядом отсюда! Десять минут пешком, и Инга уже там. Правда, неизвестный ей Вадим ждал Дебору в гости лишь к трем часам дня, а сейчас не было и двенадцати, но что мешает Инге прийти пораньше? Тем более, что у Инги были большие сомнения насчет того, что Дебора появится в назначенное время в назначенном ей месте. Максимум, на что может рассчитывать Инга – это побеседовать с самим Вадимом. Ну, а он наверняка уже там, готовится к визиту прекрасной Деборы.

Хотя почему она прекрасная? Пока что Инга не имела ни малейшего представления о внешности хозяйки квартиры, в которую она попала. Красивая она? Уродливая? Или средняя? Судя по развернутому ею бизнесу, Дебора была уже не девочка, но еще и не старуха. Но какая она была? Инге очень хотелось бы взглянуть на фотографию женщины, поисками которой она вынуждена заниматься.

Сама квартира тоже ничем не могла помочь Инге в определении личности Деборы. Например, та комната, в которой очутилась Инга, была на редкость безлика. Комната была обставлена стандартной мебелью из сетевого мебельного универсама, обои на стенах были хотя и свежие, но совсем недорогие. Никаких личных вещей, никаких милых женскому сердцу безделушек не украшало этот интерьер. Вместо штор на окнах пластиковые жалюзи. И даже комнатных цветов на окнах не имеется. В комнате было чисто, но создавалось почему-то ощущение, что это не чье-то личное жилье, а стандартный номер в отеле.

«Надо найти этого Вадима, авось он мне что-нибудь расскажет про эту Дебору. Но как мне к нему попасть?»

Инга снова выглянула в окно. Да, шанс определенно есть. Стоит попытаться. И перекинув ногу через подоконник, Инга мысленно прочитала молитву Николаю Угоднику и полезла вперед. По ее мнению, в задуманном ею плане обращаться следовало никак не меньше, чем к великому чудотворцу.

– Господи, помоги! – шептала Инга, медленно переставляя ноги вдоль карниза, одной рукой все еще вцепившись в раму стеклопакета. – Господи, спаси и сохрани.

Она успела уже двадцать раз пожалеть о своем решении, которое из комнаты казалось таким правильным. Но идти по узенькому карнизу было куда трудней, чем казалось Инге. Руки у нее моментально вспотели, голова кружилась. Инга всем телом прилипла к стене дома, но она чувствовала, что без опоры она в любую секунду может полететь вниз.

– Ой-ой-ой, – скулила она. – И какая нелегкая меня сюда понесла!

Инга и сама не помнила, как она добралась до следующего выступа. Она схватилась за него, словно за близкого родственника, вернувшегося из далеких краев.

– Как хорошо!

Но эйфория быстро улетучилась. Просто стоять и держаться до бесконечности было нельзя. Надо было принимать решение и прыгать. Инга сначала повисла на выступе, выиграв почти метр, а потом, разжав руки, полетела вниз. Все! Теперь либо пан, либо пропал. Если она угодит на металлическую перекладину тента грузовой «Газели», ей кранты, переломов и тяжких трав будет не избежать. Инга еще успела подумать, что скажет ее любимый муж, если она окажется в больнице, и внезапно поняла, что уже приземлилась.

Глава 4

Какое-то время Инга просто лежала. Глядела в синее небо, раскинувшееся над ней, и думала, жива она еще или уже умерла. Но постепенно руки и ноги обрели чувствительность, раздался хлопок, тент под ней мягко колыхнулся, а затем вдобавок ко всему этому Инга ощутила под собой какое-то мерное дребезжание. Затем облака у нее над головой начали двигаться все быстрее и быстрее в совсем несвойственной им манере. И Инга поняла, что она куда-то едет.

Едет, лежа на тенте совершенно чужой машины. Хлопок, который она услышала, был звук закрывающейся дверцы, когда водитель сел в кабину. А теперь машина уже ехала, всюю набирая ход.

Новая эпопея! Инга была всерьез напугана. Не для того она прыгала из окна и осталась жива, чтобы теперь свалиться с крыши машины и погибнуть под колесами. Она вцепилась в какой-то ремень, который обхватывал тент, и только благодаря ему и держалась.

А водитель, словно нарочно, выбрал опасный стиль езды. Резко тормозил, перестраивался, разгонялся, снова тормозил. Инга боялась не удержаться и грохнуться. Они уже давно выехали на проезжую часть, и теперь справа, слева, спереди и, самое главное, сзади неслись другие машины.

– Ой, Господи, спаси и сохрани! – завела Инга прежнюю песню.

Тогда-то помогло, может, и сейчас пронесет?

Наконец у одного из светофоров лихач все-таки был вынужден затормозить и остановиться. И Инга поняла, пора ей и честь знать. Прыгать было страшно, так что она сползла. Занемевшие ноги откликнулись острой болью на соприкосновение с асфальтом. Но Инга была так рада вновь оказаться на твердой земле, что даже не обратила на это внимания.

Проковыляв к кабине водителя, она только погрозила ему кулаком и проскрипела:

– Лихач!

И заковыляла себе дальше. Водитель проводил ее удивленным взглядом. Кажется, он единственный не понял, откуда рядом с его машиной взялась эта странная тетка. Зато из других машин заметили маневры Инги. Со всех сторон раздавалось дружное улюлюканье водителей, наблюдавших за ее подвигами. Также они не остались без внимания доморощенных папарацци, которые провожали Ингу объективами своих видеокамер.

– Похоже, я стану сегодня звездой Интернета. Горжусь!

Отдышавшись, Инга огляделась по сторонам и с радостью увидела, что неизвестный водитель грузовичка привез ее туда, куда она и сама собиралась.

Переулок Джамбула!

Оставалось найти нужный дом, а дальше уже было дело техники. Инга не сомневалась, что ей удастся разговорить Вадима. Он явно и сам озадачен поведением Деборы, а в таких случаях люди становятся весьма общительны, стремясь хоть с помощью другого человека разгадать мучительную для них загадку.

Впрочем, подслушанный Ингой адрес содержал лишь номер дома, квартиру она не знала. И если сперва это Ингу озадачило, она даже решила, что чего-то упустила, то подойдя к нужному ей дому, она поняла, в чем тут дело. Весь дом был нежилым. Верхние этажи были закрыты строительными лесами, которые, в свою очередь, были обмотаны защитной пленкой. Сделано это было для того, чтобы на головы снующих внизу прохожих случайно не упал бы какой-нибудь камешек.

Разумеется, жильцы квартир были из этого дома выселены. Но на первом этаже еще цеплялись за жизнь магазины и лавочки, не желая расставаться с насиженным местом. Их даже не смущал тот факт, что покупателям теперь приходилось пробираться к ним по

деревянными мостками, проложенными строителями. В одном магазине торговали швейными машинками, витрину другого украшали женские манекены в изящном кружевном белье, а вот в третьем Инга углядела верхнюю одежду, в том числе и с мехом.

И немедленно решила: «Мне сюда».

Войдя внутрь, она принялась. Пахло чем-то свежим и еще немного корицей. Довольно странный запах для магазина верхней одежды. Продащиц не было видно, одна угрюмого вида пожилая бабка дремала за кассой.

– Могу я видеть Вадима?

Бабка кинула на нее мутный взгляд и величественно кивнула своей седой головой:

– Можешь. – И издала такой зычный клич, что Инга едва удержалась на ногах: – Вадька!

Ее голос еще не успел затихнуть, как вдвали раздали торопливые шажки, а еще через секунду в торговом зале появился маленький чернявый мужчина.

– К тебе покупательница.

– Спасибо вам, мама.

Инга удивленно покосилась на старуху, потом снова перевела взгляд на Вадима. Никакого фамильного сходства между этими двумя не наблюдалось. Ну, ни малейшего. Исполнив свой долг, старуха вновь погрузилась в дрему. А Вадим поспешно увел Ингу подальше от пожилой дамы.

– Вы ко мне? По какому вопросу?

– Я от Деборы.

– А она сама что же?

– Она не придет.

Чернявый схватился за кудлатую растительность, покрывавшую его голову. На его лице отразился самый настоящий ужас.

– Не придет? Это катастрофа!

Отчаяние его было таким явным и неподдельным, что Инга невольно заинтересовалась, в чем дело.

– Мой сын! – в ответ простонал чернявый. – Идиот и двоечник! Вместо того чтобы зубрить тесты, он влюбился в девочку!

Помимо воли Инга почувствовала, как ее лицо расплывается в улыбке.

– Влюбился? Так это же прекрасно!

– Прекрасно? Да нет же! Это ужасно! Девочка совсем ему не подходит!

– Такая плохая?

– Наоборот, – пылко воскликнул мужчина. – Чудо, а не девочка. Умница! Отличница! Красавица!

– Так чем же вы недовольны? Я что-то не пойму. Если вы говорите, что она умница и к тому же красавица, тогда радуйтесь.

– Она-то умница, а мой сын кто? Охламон! Тунеядец! Говорю вам, они друг другу не подходят!

Вадим убеждал Ингу так усердно, что она и сама начала склоняться к мысли, что отличница и охламон – действительно не лучшее сочетание для начала семейной жизни. Но тут же она очнулась и попросила Вадима вернуться к Деборе.

– Так я о ней и говорю!

– Ваш сын влюбился в Дебору?

– Точней говоря, в ее дочь – Катеньку. Светлый ангел! Милое существо! Сплошной восторг!

И Вадим молитвенно сложил на груди руки.

– Будь я помоложе, я бы и сам влюбился в эту девочку.

– Тогда в чем вы упрекаете своего сына?

– Вам не понять отцовского сердца. Говорю вам, эти дети совершенно не подходят друг другу. У меня для Юрасика уже была приготовлена хорошая девочка, не красавица, не отличница, но тоже большая умница. И самое главное, мы с ее папой давно в хороших дружеских отношениях. А Катенька... вы меня простите, но я даже не знаю толком, откуда девочка с матерью приехали в наш город.

Вот оно в чем дело! Красавица и умница Катенька не пара Юрасику, для которого у его папы уже есть готовая невеста.

– Значит, Катя с мамой не местные? Но у Деборы здесь бизнес.

– Бизнес! – пылко возмутился Вадим. – Дрянная лавчонка на задворках, где она сбывает простачкам изъеденный молью мех! Думаете, когда Юрасик заговорил о своих чувствах, я не навел справок о предмете его обожания? Навел и даже самые подробные.

Теперь Инга была готова слушать этого чернявого папашу с еще большим интересом. Судя по его озабоченному виду, справки он в самом деле навел самые подробные. И они чадолюбивого папашу отчего-то совсем не порадовали.

– Катюша – замечательная девочка, к ней лично у меня никаких претензий нет. Но вот ее мама... Нет, я очень уважаю нашу Дебору Викторовну, но поймите и меня тоже, я не могу отдать своего мальчика непонятно в чьи руки. Отца у девочки нет. То ли его и не было никогда, то ли мать не удосужилась познакомиться с ним дочь. Но его нет!

Ну, что за ерунда? Как это отца у девочки нет?

– Позвольте, – перебила Инга. – Но такой случай в истории человечества пока был всего однажды. Да и то не с девочкой, а с мальчиком.

А насчет знакомства Катеньки с ее папочкой, может, мужчина сам не слишком-то рвался к такому знакомству? Но сейчас речь шла не об этом человеке, его моральных качествах и личной ответственности. Речь шла о другом.

И вновь мысли Инги пререзал расстроенный голос:

– Да что там много говорить, Дебора с девочкой не имеют в городе собственного жилья.

– Как? – удивилась Инга. – А квартира на Большой Московской улице? Она чья?

– Теткина!

– Но Дебора там прописана.

– Собственницей там значится другая женщина – ее тетя по материнской линии. И ладно бы тетя была бездетная. Нет, у нее то ли трое, то ли четверо собственных детей. Деборе с Катенькой в плане наследства там ничего не светит.

– То ли дело ваш сын, да?

Инга не скрывала своей иронии, но папаша ее не понял.

– Да! – с жаром воскликнул он, приняв слова Инги за чистую монету. – Мой Юрасик у нас один. Все для него! И я, и моя жена, и ее уважаемая мама, кстати, вы ее уже видели, мы жизни своей не жалеем для мальчика. Посудите сами, разве мы, вложив столько в своего мальчика, не вправе рассчитывать на партию, хотя бы равную ему?

– Мне кажется, вы слишком далеко забегаете вперед. Сколько лет Юре и Кате?

– Шестнадцать.

– Они же еще учатся в школе. Им рано думать о таких серьезных вещах, как брак.

– Я женился на моей уважаемой супруге, когда мне было восемнадцать.

– А ей?

– Немного больше.

– Двадцать?

– Еще больше.

– Двадцать пять?

– Больше.

- Тридцать?
- Ну, это вы уже загнули.
- А сколько же?
- Тридцать пять.

Ничего себе семейка! Тридцатипятилетняя дамочка берет в мужа восемнадцатилетнего сопляка, у них рождается балбес Юрочка, которого они всеми силами пытаются пристроить в богатую семейку. Как пить дать, все в этой семье помешаны на деньгах. И очень хорошо, что они не хотят видеть в своих невестках Катеньку. Попадешь к таким жабам, наплачешься.

Инга решила схитрить.

– Целиком и полностью вошла в ваше положение, – заявила она папаше. – Прекрасно разделяю ваши опасения, что брак этот не будет счастливым. Должна немедленно переговорить с Катенькой и отговорить ее от свадьбы с вашим Юрочкой.

Папаша смотрел на нее такими глазами, словно бы еще чуть-чуть и он кинется целовать ей руки.

- Спасительница! – воскликнул он. – Благодетельница! Вы это и впрямь сделаете?
- Отправляюсь к девочке прямо сейчас. Подскажите, где мне ее легче всего найти?

Про себя Инга решила, что дочь уж должна знать что-то о судьбе матери. На то она и дочь. Единственное, чего Инга опасалась, как бы ее не отправили по все тому же адресу на Большую Морскую, Инге совсем не хотелось вновь общаться с темпераментными жителями гор, хотя и обещавшими накормить ее шикарным обедом, но зачем-то запершими при этом.

Но все обошлось.

– Катюша сейчас в лагере.

– Куда надо ехать? Надеюсь, это не слишком далеко от города? Может, мне тогда лучше позвонить девочке? Телефон у нее есть?

– Никуда ехать не надо, – успокоил ее Вадим. – Лагерь в соседнем дворе, находится он в здании школы.

Так речь шла о городском лагере. Еще легче. И разузнав номер школы, Инга отправилась снова в путь.

В летнем лагере дети быстро указали ей на Игнатюк Катю. Но Инга решила не подходить к ней сразу, а немного понаблюдать издали. Катя оказалась милостивой девочкой с длинными русыми волосами и дивными голубыми глазами, в которых к тому же светился ум. В руках она держала книжку. Пьесы Островского. Совсем непростое чтение, но девушка читала его взахлеб, почти не поднимая головы.

Рядом с ней на лавочке устроился упитанный рослый парень с рыхлым лицом и тусклыми глазами-шелками. Глаза загорались у него только в тот момент, когда сидящая рядом девушка делала какое-то движение. Если почесывала комариный укус на ноге, парень смотрел с обожанием на ногу. Если поправляла волосы, тарачился на волосы. Если улыбалась или качала головой, тоже улыбался и качал головой. По некоторым фамильным чертам Инга догадалась, что это и есть тот самый Юрасик, чьи надежды на личное счастье с красавицей Катюшей ей сейчас предстоит разбить в прах.

– Катя, я могу с тобой поговорить?

Катя подняла голову и с удивлением посмотрела на незнакомую ей женщину.

Инга представилась, а потом сказала:

- Я ищу твою маму. Ты не могла бы подсказать, куда она подевалась?
- Она уехала.
- Вот как. И куда?

Инге показалось, что девушка смутилась. Она покосилась на Юрасика, чье присутствие ее явно смущало.

– Уехала... к друзьям.

Инга чувствовала, что в присутствии Юрасика разговор у них не пойдет.

– Ох, и жарко сегодня, – вздохнула она, потирая лоб. – Так и печет. Вот бы мороженого хорошо было скушать.

И показала Кате глазами на Юрасика. Мол, его пошли за мороженым. Катя все поняла верно. И повернувшись к парню, спросила:

– Сходишь?

– Куда? – лениво спросил Юрасик, словно бы и не слышал о мороженом.

– За мороженым.

– А-а-а-а... Если ты хочешь, схожу, конечно.

– Вот деньги, возьми.

– Да, ладно, – протянул Юрасик. – Не надо денег-то.

Но деньги все-таки взял.

– Отец за каждую копейку отчет требует. Узнает, что я тебя мороженым угощал, снова пилить начнет.

И ушел.

– Хороший у тебя кавалер, – хмыкнула Инга. – Щедрый.

– Он не виноват. Это его родители хотят, чтобы Юра со мной не общался. Считают меня бесприданницей. Читаю сейчас Островского, прямо как про нас с Юркой написано. Нет денег, нет и мужа. Сиди себе в старых девах.

– Не все такие дураки, как твой Юра.

– Может быть, Юрка и не очень умный, зато преданный. И во всем меня слушается. Разве этого мало?

– Вы друг другу не подходите.

Инга сказала это от чистого сердца, а не потому, что спешила выполнить просьбу Юркиного папаши. Но Катя и не думала с ней спорить.

– Сама знаю. Только как ему об этом скажешь? Влюбился. Ходит за мной весь год, словно приклеенный. Как мы с мамой сюда переехали, так Юрка от меня и не отлипает. Вот сейчас вы его за мороженым отослали, хоть немного от него отдохну. А что вы про маму спрашивали?

Инга объяснила. И про Бориса, и про его исчезновение. И осторожно поинтересовалась, не связано ли одно с другим.

– Вряд ли, – покачала головой Катя. – Мама ведь не просто так уехала, а в свадебное путешествие.

– И когда она уехала?

Катя наморщила лоб и сказала, что во вторник.

– В прошлый вторник.

А сегодня был понедельник. Прошла почти целая неделя. Значит, исчезновение Деборы совпадало по времени с исчезновением Бориса. Лилька говорила, что тот уехал из «Вальхаллы» в понедельник вечером. Вечером в понедельник уехал, утром во вторник встретился с Деборой. Сходили в ЗАГС и укатили в свадебное путешествие. Все логично.

Инга уже решила, что нашла, куда подевался Борис, оставалось только придумать, как потактичнее сообщить об этом Лильке.

Но вдруг Катюша произнесла:

– У мамы с дядей Сережей сейчас медовый месяц.

– Что еще за дядя Сережа? – удивилась Инга.

– Мамин муж. Я же вам говорила, что моя мама снова вышла замуж.

- Да, я помню. Но что же, она не за Бориса вышла замуж, а за этого дядю Сережу?
- Ну, конечно. Хотите, покажу вам ее свадебные фотки?

Несмотря на разочарование, которое она испытывала, Инга сразу вспомнила, что так до сих пор и не удостоилась счастья лицезреть женщину, за которой гоняется с раннего утра, и кивнула:

- Хочу!

Катенька достала смартфон, полистала его немного и наконец продемонстрировала Инге несколько фотографий. На всех них стояла высокая женщина с таким броским и ярким лицом, что глаз невольно выхватывал ее из любой толпы.

- Красивая у тебя мама.

Полистав фотографии, Инга убедилась, что нет ни одной фотографии Деборы с ее новым мужем. Хотя фотографии были явно свадебные, Дебора была в белом платье и фате. Платье было коротким, позволяющим лицезреть ее круглые колени. А фата, наоборот, длинная, казалось, что в нее можно завернуться несколько раз, словно в саван.

Почему-то Инге сделалось тревожно, когда она смотрела на эти фотографии. В груди что-то заныло и повеяло холодом. Но Катенька продолжала щебетать без умолку, и Инга быстро прогнала эти неприятные ощущения куда подальше.

– Я при Юре не хотела говорить про мамину свадьбу, потому что он все своим родителям доложит. Не умеет человек язык за зубами держать, сколько раз в этом уже убеждалась, как ни проси его молчать, обязательно проговорится.

- А зачем держать свадьбу твоей мамы в тайне? Это же здорово.

– Здорово, когда в первый раз. Ну, или во второй. А когда то ли в седьмой, то ли в восьмой – это уже явный перебор.

- Твоя мама столько раз выходила замуж?

– Ага! Только я могу назвать четырех отчимов. Родного отца не помню, а вот первого отчима – дядю Петю – хорошо помню. Ну, и дядю Валеру помню. Он веселый был, только пил сильно. А дядя Саша злой оказался, мы от него насили удрали. Сюда к тете Вере приехали. То есть тетя она для мамы, а мне вроде бабушки, только тетя Вера все молодится, а потому требует, чтобы и я тоже называла ее тетей. Да мне и все равно. Я теперь у дяди Сережи живу дома, с его собственной бабушкой. Она уже совсем старенькая, маленько умом тронулась, так что приняла меня за свою собственную дочку, носится со мной, как с писаной торбой.

- Видишь, удачно же все сложилось.

– Все равно не хочу, чтобы Юркины родители моей маме кости бы перемывали. Ну, не везло ей прежде с мужиками, не ее в том вина.

- Не вина, а беда – это уж точно.

- Скажи, а те люди, которые твою маму в теткиной квартире поджидают, они кто?

- Люди? – удивилась Катя. – Какие еще люди?

- Молодые. Трое. Все мужчины кавказской внешности.

– Не знаю. Понятия не имею, кто они такие. Когда мы с мамой к дяде Сереже и его маме перебрались жить, мама уведомила тетю, что комната освободилась. Наверное, тетя этих троих жильцов в нашу комнату и поселила.

- У твоей тети что-то вроде частной гостиницы?

– Ну, гостиница – это громко сказано. Но комнаты тетя жильцам сдает. И нас с мамой пустила жить не бесплатно. А уж сколько ей за прописку пришлось отвалить, про это я вообще молчу. Хорошо еще, что у нас с мамой после ее последнего развода много денег оказалось. Да и дядя Боря тоже помогал.

- Ах, дядя Боря вам все-таки помогал?

– А зачем иначе мама бы с ним хороводиться стала? – удивилась Катя. – Мама – она очень практичная. Если видит, что с мужчины взять нечего, нипочем не станет с ним отношения строить. Такой у нее жизненный принцип.

– Ты совсем другая.

– Да, мне люди интересны сами по себе, а не по размеру их кошелька. Юрка – это исключение, да я и не могу назвать его своим другом. Прилип просто, не оторвешь. Но с ним скучно. Так что друзья у меня совсем другие люди.

– Скажи, а твоя мама с дядей Борей долго встречалась?

– Года два или даже три. Это он ей подсказал меховой бизнес организовать.

– И помог, наверное?

– Не без этого. Иначе мама не стала бы с ним общаться все это время. И вы сами посудите, какая с него иначе радость? Он там, она здесь. Он у себя в лесу, она у себя в городе. Видятся в лучшем случае раз в месяц. Поэтому, когда мама с дядей Сережей познакомилась и он ей предложение сделал, она дядю Борю честно поставила об этом в известность. Несколько раз ему звонила, даже встретиться договорились, да не получилось. У дяди Бори другие дела нашлись, мама тогда замуж за дядю Сережу, не дожидаясь благословения от дяди Бори, выскочила. Сказала, что сам виноват, пусть на нее не пеняет.

– А ты как считаешь?

– Конечно, мама правильно поступила. Она всегда все правильно делает, только с дядей Сашей у нее осечка случилась. Но кто же мог сказать, что он такой садюга окажется? Ничего на это не указывало. Ласковый такой был. А что касается дяди Бори, то мама этому дяде Боре много раз предлагала отношения узаконить.

– А он что? Отказывался?

– Говорил, что не может. Что женат. Когда у человека одна жена уже имеется, куда ему вторую? Небось не мусульмане мы.

– Погоди, – перебила Инга девочку. – Какая жена? У кого?

– У дяди Бори.

– Мы с тобой об одном и том же человеке говорим? Как фамилия вашего дяди Бори?

– Разумахин.

– Борис Петрович?

– Ну да.

Да, речь у них шла об одном и том же персонаже. Но откуда взялась жена? Про законную супругу, которая имела у «дяди Бори», Инга слышала впервые.

И конечно, она была должна, просто обязана получить необходимые комментарии на этот счет. Попрощавшись с Катюшей, Инга позвонила Лильке и строго спросила у нее:

– Ты скажи мне, краса ненаглядная, как ты за Бориса замуж собиралась идти, если у него живая жена в наличии имеется?

Лилька явно знала, о чем идет речь, потому что сразу заголосила:

– Была! Была жена! Но Боря с этой женщиной уже много лет не живет.

– Вот оно что! Но жена все-таки имеется?

Лилька была вынуждена подтвердить, что имеется.

Инга рассердилась.

– Так почему ты мне про эту жену ничего с самого начала не сказала? За каким лешим я мотаюсь по городу в поисках этой Деборы, если у Бориса имеется жена?

– С женой он не общался уже долгое время. А Дебора ему звонила.

– Звонила. Правильно. А звонила она ему для того, чтобы уведомить о том, что выходит замуж.

– Как замуж?

– Так! Надоело ей ждать твоего Бориса, нашла себе человека поприличнее и вышла за него замуж.

Лилька молча проглотила оскорбительное для ее Бориса «поприличнее», только спросила:

– А звонила она Боре тогда зачем?

– Может, последний шанс хотела ему дать. Но он не отреагировал. Так что теперь Дебора со своим новым мужем развлекается в медовом круизе, а ее дочка живет в квартире своего нового отчима.

Лилька помолчала еще немного, а потом вдруг произнесла:

– Дуй к жене. Адрес я тебе дам.

– Еще не хватало! А вдруг Борис у нее?

– Очень на это надеюсь. Если он там, ты мне дай знать.

Инга пыталась отнекиваться, честно говоря, ей эти гонки за неуловимым Борисом уже здорово надоели, но Лилька не унималась. Она так жалобно канючила, так рыдала, столько всякого разного обещала, что сердце у Инги не выдержало. А уж когда Лилька сказала, что отдаст Инге свою белую муфточку из меха горностая, Инга и вовсе сдалась. Горностай – это вам не вульгарная норка, которая у всех подряд куплена. Горностай – царский зверь. А у Лильки, если Инге ни изменяла память, в пару к этой муфточке имелась еще и пелеринка. И размер у них с Лилькой примерно одинаковый.

С такими корыстными мыслями Инга двинулась навстречу новым приключениям.

Глава 5

Адрес жены Бориса ушлая Лилька раздобыла еще давно. Как-то Борис при ней неосмотрительно проговорился о том, что бывшая супруга, с которой у него ну ничего общего нет, кроме штампа в паспорте, проживает в той же квартире, в которой зарегистрирован он сам. Ну, ксерокс паспорта Бориса вместе со штампом о регистрации и прочими отметками у Лильки имелся уже давно.

– Так что ты поезжай, и если Борис там, то скажи мне об этом, – напутствовала она Ингу. – А я уж тогда подскочу и сама с этими голубчиками поговорю.

Каким образом Лилька собиралась убеждать Бориса, что с ней ему будет лучше, чем с законной супругой, Инга не представляла. Да ее это и не сказать, чтобы особо сильно интересовало. Горностаевая муфточка интересовала ее куда сильнее. Все-таки Борис, как ты к нему ни относишься, был знатоком своего дела. И меха у него в зверином питомнике были куда как шикарные. То есть и средненькие тоже случались, но Лильке своей барахла он не дарил, не такая у Бориса была натура.

Что касается меха горностаевая, то это была отдельная история, давнишняя мечта самой Инги. Охота на этого зверька запрещена, и даже просто разводить его ради меха в некоторых странах тоже запрещено. Но это где-то там, а у нас какой бы строгий закон ни был принят, его строгость с лихвой компенсируется его малым исполнением. Так что при должном желании можно раздобыть себе и своей любимой связку шкурок этого редкого зверька, чей мех и раньше-то позволялось носить лишь монаршим особам, а теперь так и вовсе ценится даже дороже золота.

Уж как Лилька клянчила себе тогда у Бориса полноценную шубку из горностаевая, а не получилось. Только муфточка ей досталась, да и то из обрезков. А та пелеринка, на которую нацелилась Инга, она вроде как и имелась, но служила выставочным образцом. И Лилька ее хоть иногда и брала, чтобы пофорсить, но неизменно возвращала пелеринку не к себе в шкаф на плечики, а вешала ее обратно на манекен под стекло.

В приятных мыслях о нежном и изысканном мехе горностаевая Инга доехала до дома жены Бориса. Поднялась на нужный этаж, позвонила в нужную квартиру и остолбенела, когда дверь перед ней распахнули какие-то детишки. Было их много. То ли четверо, то ли пятеро, да еще позади основной толпы то появлялась, то вновь исчезала чья-то лохматая головенка с весело блестящими глазами и развевающимися в прыжке распущенными лохмами.

– А мне бы Ирину Разумахину.

Про себя Инга подумала: «Неужели жена Бориса нарожала за это время такое бешеное количество детей? Сколько Борис не общался с женой? Года три? Ирина рожала по двое-трое детей за год? А от кого?»

Но все разрешилось, когда старшая девочка с недоумением приподняла брови и спросила:

– Разумахина? Ирина? А кто это такая?

– Вы не знаете? Вы живете в ее квартире.

– Наверное, это прежняя хозяйка! – воскликнул мальчик помладше. – Но она уехала!

– Куда?

– Мы не знаем.

– Кажется, к мужу подалась.

– И вообще не к мужу! Не знаешь, так и не говори. Мужа у нее и не было вообще!

– Как же не было, если она все время говорила, что она его очень удачно выписала, он и не узнал ничего!

- Так потому и выписала, что его не было.
- Как же можно удачно выписать того, кого и не было!

Пока дети спорили между собой, Инга с недоумением их разглядывала. Все они были очень разными. Светлые головенки, темные, русые, один мальчик был даже рыженький со смешными веснушками на курносом носу. А младшая девочка была кареглазая, она носилась по квартире, а за ее спиной развевались длинные темно-русые волосы. Она не была похожа ни на кого из остальных детей. И остальные друг на друга тоже похожи не были. Никакого семейного сходства, ну ни малейшего.

Кто же они такие? Школьная группа? Кружок? Класс? Но здесь были дети в возрасте от четырех и до пятнадцати лет. На класс не похоже. Однако вели они себя так, словно были знакомы между собой сто лет. Спорили, смеялись, толкались, обижались и снова мирились.

- А где ваша мама или... мамы?
- Мама на работе, – охотно объяснила старшая девочка.
- Она почти все время на работе, – вмешался кто-то из детей.
- Ей надо много работать, чтобы всех нас прокормить.
- А вы кто такие?
- Мы – сироты, – весело объявили дети. – То есть теперь уже не сироты, раз нас мама

Нина к себе взяла жить.

Постепенно Инга разобралась в ситуации. Дети были бывшими детдомовцами, которых некая женщина по имени Нина взяла под свою опеку. Детей было много. И государство, радуясь, что удачно пристроило маленьких нахлебников, за это выделило Нине какую-то сумму, на которую женщина и приобрела эту квартиру, потому что прежняя стала слишком мала для разом увеличившейся многократно семьи.

Во всяком случае, так получалось со слов старшей девочки. Младшая все еще носилась по коридору взад-вперед, а потом вдруг радостно выкрикнула:

- А меня мама Нина вообще украла!

Инга оторопела. Но старшая девочка только махнула рукой:

– Не обращайтесь внимания. Анютка все время что-то выдумывает. В прошлый раз сказала, что у нее мужем будет Оптимус Прайм, знаете, главный из трансформеров?

- Знаю, – блеснула познаниями Инга. – Они еще с десептиконами борются.

– Вот наша Анютка от Оптимуса фанатеет. Сначала просто с ума сходила, а потом заявила, что выйдет за него замуж и все ее дети будут «Оптимусовны» или «Оптимусовичи». А перед этим утверждала, что к ней какая-то старая бабка в окно прилетает и предлагает Анютке идти к ней работать поваром в ресторан. Будут там пирожки с белочками печь. Фантазия у ребенка очень богатая.

Анютка была хорошенькая и явно большая шутница и озорница. Ни минуты не провела в покое. То ли приход в гости взрослой тети ее необычайно воодушевил, то ли девочка всегда была такая шумная, но она бегала, хохотала, смеялась, падала, плакала, утешалась и снова хохотала. И все это без остановки и без перерыва. Инга побыла в ее компании от силы полчаса, и то голова у нее закружилась, а в ушах зазвенело.

- Анютка вас полюбила.

Но Инге от такой детской привязанности было нелегко. За десять минут Анютка не меньше десяти раз сказала Инге, что любит собак, и требовала, чтобы Инга в ответ тоже признавалась в симпатии к этим четвероногим друзьям человека. Инга признавалась, Анютка убегала, чтобы через минуту повторить все заново.

Честно говоря, где-то через полчаса Инга уже понимала маму Нину, которая старалась пореже бывать дома. Но с другой стороны, если берешь на себя заботу о чужих детях и даже получаешь за это денежную компенсацию, надо все же как-то иначе построить свой трудовой график, чтобы хоть иногда бывать с детьми и присматривать за ними.

И повинуюсь непонятному ей самой чувству, Инга осталась с детьми, желая дожидаться возвращения мамы Нины.

Домой Инга вернулась поздно. Настроение у нее было хуже некуда. Да и с чего ему быть хорошим? Денек выдался тяжелый. А напоследок уже на подходе к самому дому Инги, когда она решила срезать дорогу и пошла через гаражи, какие-то хулиганы пытались вырвать у нее сумку. Хорошо еще, что Инга, словно чувствовала, обмотала ремень сумки вокруг руки. Но с другой стороны неизвестно, хорошо получилось или нет. Сумку-то Инга уберегла, но при этом пострадала рука. Напавший на Ингу грабитель дернул за ремень так сильно, что чуть не оторвал сумку вместе с рукой хозяйки.

Рывок был таким неожиданным и резким, что Инга не удержалась на ногах, она с криком полетела на землю. Хулиганы попытались волоочь ее за собой, но Инга была слишком увесистым грузом. Вцепившись в сумку, ничего не понимая от неожиданности, Инга тем не менее увидела, как в руках одного из нападающих блеснуло оружие. Похоже, у него был при себе нож. И похоже, он собирался пустить его в ход.

Инга зажмурила глаза. От страха она ничего не соображала, наверное, потому и сумку из рук не выпустила. Она просто лежала и ждала развязки, какой бы та ни оказалась. Но Инге повезло. Совсем рядом раздались крики. Натяжение в руке стало слабее, боль глуше. И вскоре группа мужчин и женщин обступила Ингу, отряхивая и расспрашивая, что с ней случилось.

– Мы видели, рядом с вами стояли какие-то два отморозка.

– У одного был нож.

– Нам не показалось, у него и взаправду был нож?

Инга трясла головой, не в силах подобрать слова, чтобы поблагодарить своих спасителей. Она продолжала судорожно прижимать сумку к груди, коря себя последними словами. Ну какая же она дура! И чего она вцепилась в эту сумку? А если бы ее убили? И надо было терять жизнь из-за каких-то бумажек. В сумке даже денег не было. Так, жалкая мелочь для повседневных трат. Стоило рисковать жизнью?

– С вами все в порядке?

Инга кивнула и застонала от резкой боли, прострелившей позвоночник. Вот ведь странное дело, дернули ее за руку, а разболелся позвоночник. И не весь, а шейный отдел. Голову было просто не повернуть.

Добрые люди поняли, что с Ингой неладно, и удвоили свои усилия.

– Вам вызвать врача?

– Нет.

– Проводить вас до дома? Вы далеко живете?

– Рядом, – выдавила из себя Инга. – За гаражами. Если можете, то проводите, пожалуйста. Здесь недалеко.

Услышав, что доброе дело не потребует от них особых усилий, спасители Инги загомонили еще радостней и проводили ее до дома.

Перед квартирой Инга обнаружила, что кисть правой руки, которая была обмотана ремнем, сильно покраснела и распухла. Шевелить ею Инга могла с большим трудом. Но разве это беда? Шеей она шевелить не могла вовсе. Если бы у Инги пострадала только одна рука, она бы считала, что дешево отделалась. А вот шея беспокоила ее гораздо сильнее. Шея, она, как известно, находится совсем близко к голове. Ну, а голову нужно беречь в первую очередь.

С трудом избавившись от своих спасителей, которые рвались к ней в гости, чтобы отметить ее чудесное спасение и свое участие в нем, Инга отдала им все деньги, которые у нее имелись при себе, и подумала, что теперь уж точно ведет себя, как последняя дура. Грабителям не захотела отдать, а веселым ребятам, пожалуйста, отдала. И где логика?

И все равно Инга сказала:

– Выпейте за мое здоровье. Чувствую, оно мне пригодится.

С этими словами Инга вошла в дом, и первое, что она увидела, был Залесный, который явно специально дожидался ее в прихожей. В руках у него была какая-то тряпка, которую он со скорбным видом протягивал навстречу Инге.

– Так ты относишься к моим подаркам? Да?

Только сейчас, приглядевшись, Инга поняла, что мокрая тряпка в руках любимого была тем самым прикольным зелененьким костюмчиком со смешными заячьими ушками, который Залесный подарил ей. Теперь костюмчик не казался ни симпатичным, ни удобным. Он промок, был испачкан и безнадежно испорчен.

Еще утром, пытаясь избавиться от костюма, Инга потратила много сил. Только на то, чтобы справиться с молнией, у нее ушло на меньше четверти часа. За эту четверть часа она совсем остыла, мокрая ткань неприятно холодила все ее тело, и особенно доставалось спине. Испугавшись, что сейчас схватит воспаление легких, она снова залезла в ванну, где вокруг нее немедленно заколыхались зеленые водоросли вперемежку с белыми червячками – вермишелинками, среди которых, чинно покачиваясь на волнах, плыли кружки лука, в некоторых цвели морковные звездочки. И если бы Инга не была так зла на подарок Залесного, она бы с удовольствием полюбовалась получившейся картиной. Но ей надо было спешить, так что она лишь спустила воду и, отчаявшись иначе договориться с упрямой молнией, распорол ее ножницами.

Освободившись из плена, Инга швырнула костюм в угол ванны, решив, что разберется с ним позднее. И вот теперь первым испорченную пижамку нашел Залесный, явно обидевшись за такое отношение к своему презенту.

– Я-то старался, выбирал, – бубнил он, следуя по пятам за Ингой. – Что ты с ней сделала?

Но Инге не хотелось отвечать. Она пришла с улицы, устала, натерпелась всякого, сейчас ей хотелось первым делом вымыть руки и освежить лицо. Она прошла в ванную комнату и буквально окаменела. Вся ванна была покрыта засохшими разводами вермишели, лука и морковных звездочек. Бывший суп стек в слив канализации, но гуща его никуда не делась, она прилипла к стенкам ванны вперемешку с зелеными ворсинками, образуя еще более причудливую картину.

Но Инга снова не стала ею любоваться.

При одной только мысли о том, что ей придется теперь буквально соскабливать всю эту живопись со стенок ванны, Инга пришла в ярость.

– И давно ты дома? – повернулась она к мужу.

– Уже часа как три.

Залесный явно ожидал, что жена примется извиняться перед ним за испорченный подарок и долгие часы ожидания, но вместо этого услышал:

– Ты целых три часа уже дома, а до сих пор не удосужился хотя бы сполоснуть ванну?

У Залесного от обиды и удивления даже уши зашевелились и покраснели.

– Ты... Ты...

Он явно не мог подобрать подходящего сравнения для степени своего возмущения. Но намотавшись за день, Инга не была настроена выслушивать его надуманные обиды.

– Я весь день провела на ногах, вдобавок меня сегодня едва не похитили, потом я прыгала из окна, потом чуть не свалилась под колеса машин. В довершение всего меня уже на подходе к дому чуть-чуть было не ограбили и разве что чудом не убили. Так что послушай меня, засунь то, что осталось от пижамки, в стиралку и вымой ванну!

И ушла в спальню. И что вы думаете? Ровно через полчаса муженек тихонько поскребся в дверь спальни.

– Солнышко, – робким голосом произнес он. – Пойдешь ужинать?

Ингу подмывало подуться на него, но аппетит у нее после всего сегодняшнего дня был просто зверский.

– Пойду.

Рука уже почти пришла в норму. Краснота прошла, и опухоль тоже вроде бы немного спала. Осталась небольшая болезненность при попытке пошевелить рукой. Кабы только это, тогда ладно, но вот шея болела зверски по-прежнему. При малейшей попытке своей хозяйки пошевелиться шея отозвалась такой резкой болью, что Инга со стоном повалилась обратно в кровать. Нет уж, обойдется лучше без ужина. В конце концов, на ночь есть вредно.

Так что Инга лежала и думала о том, что некоторым людям приходится еще хуже. Из головы не шла женщина с простым именем Нина, которая в одиночку тащила на себе сразу шестерых детей. И ладно бы это были ее собственные дети, но нет, собственных детей у Нины никогда не было, а вот чужих она обогреть взялась.

Когда Инга все же дождалась возвращения мамы Нины, у них состоялся долгий разговор. Инга объяснила, кто она такая, а потом не упустила возможности, чтобы вслух восхититься самоотверженностью Нины.

– Вы просто героиня. Шестеро детей! И они у вас все такие разные.

– Кого сердце подсказало, того и выбрала, – отведя глаза в сторону, ответила женщина. – А если вы думаете, что я их из-за тех копеек взяла, что государство за них платит, то вы ошибаетесь.

– Я ничего такого и не думала. Хотела вас похвалить и еще хотела узнать у вас про женщину, у которой вы купали свою...

Но Нина не дала Инге даже закончить свою мысль, она воскликнула:

– Все это мои подопечные, и я их люблю, как родных!

– Очень за вас всех рада. Но вот насчет той женщины...

– И если вы с какой проверкой к нам пожаловали, то так у себя и запишите, у нас все хорошо.

– Прекрасно. Но хозяйка вашей квартиры...

– А еще я вам скажу, что дети бывают разные. С иными так намучаешься, что уж и не знаешь, рад ты или не рад, что он теперь твой. Сколько случаев известно, когда приемные родители дурно обращаются со своими приемными детьми. Но у нас не так. Скажи ей, Настя! Мы ведь с вами дружно живем?

Старшая девочка, которая накрывала на стол, согласно покивала головой.

– Хорошие у меня дети, – продолжала нахваливать своих приемышей Нина. – Заботливые.

– Вообще-то я хотела узнать у вас насчет бывшей хозяйки вашей квартиры.

Но Нина снова ее перебила, на этот раз воскликнув:

– А оставайтесь с нами ужинать!

И как ни отказывалась Инга, ее все-таки усадили за стол. Нина с собой принесла целый противень готовых котлет, которые оставалось только разогреть, на гарнир было картофельное пюре и витаминный салат. Еда показалась Инге странно знакомой. Когда-то она уже ела такую, вот только когда? Но пережевывая суховатую котлетку, Инга поняла, еда была типичной столовской. В столовой школы, где училась Инга, подавали точно такие же неровные котлеты и точно такое же комковатое пюре.

– Нина, а где вы работаете?

Нина мгновенно бросилась объяснять, что и здесь у нее все в порядке.

– Трудовая имеется, санитарная в наличие. Работаю не хуже других, стараюсь даже. А как же? На мне ведь дети. И какие! Золото, а не дети! Бриллианты! Яхонты!

В том, как она нахваливала своих приемных детей, было что-то странное. К тому же говорила женщина без перерыва и все об одном и том же, какие замечательные дети ей достались.

Инга уже давно отчаялась что-либо узнать у говорливой и слишком громкой Нины, но та неожиданно спросила сама:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.